

СМЕНА

ОГИБ • Молодая Гвардия • 1931

11

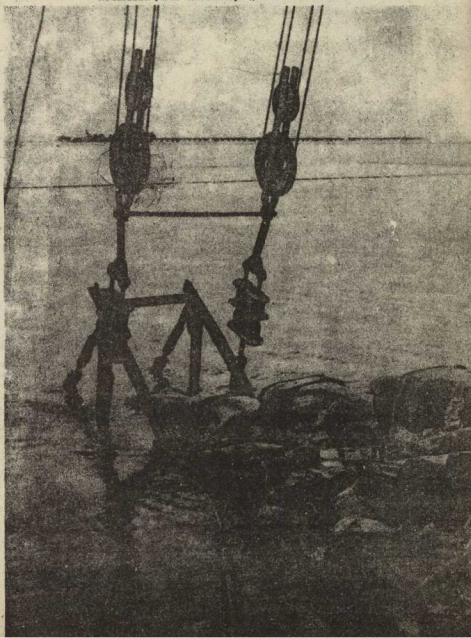

Даргинки-киргизы за ручной добычей соли

ударные темпы— В ЭТОМ соль, ударными темпами деремся за соль

Солеразработки на озере Баскун-
чак должны были дать за сезон
1930 года 140.000 тонн соли. Бла-
годаря социалистическому сорев-
нованию и ударничеству план
перевыполнен: добыто 159.700
тонн.

Новшества рамы экскаватора „Любен“ на солдобыче

Ссыплют соль на телеги для отправки на железно-
дорожные станции

11

20 апреля 1931 года

СМЕНА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи

ОРГАН ЦК И МК ВЛКСМ

Изд. ОГИЗ — МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ответственный редактор

С. КЭМРАД

Заведующий редакцией

М. ЮНПРОФ

Адрес редакции: Москва, Центр, Б. Черкасский, б. т. 5-67-03

ударная лава

Петр Иванов

Бригады проходят сивозь душную тень
В забой, где грохот и чадь.
Сегодня задание ударное всем:
Выначать (в тоннах) угля—307,
Породы—совсем не качать.

Свернувший пласт обнажен, оголен,
Над контуром врубовни свист...
Застыл машинист, нан шофер за рулем,
И вот начинается схватка с углем,
Под гул напряженный и свист.

Вплывай в горячее мясо пласта,
Рычи, „Сюлливан“, и хрипи.
Тебе до утра не позволим устать
Ключую бронь антрацита хлестать
Шрапнелью клынастой цепи.

Всю смену, всю ночь до шахтерской зари,
Работой своей упоен,
Ползи „Сюлливан“, не сдавайся, ори,
Мы выедем норму и... чорт побери!
Превысим на несколько тонн!

Чтоб ветер труда ронотал по забою,
Чтоб нам—ни минуты стоять!
Чтоб камень в ознобе звенел под тобою,
Чтоб грохали груды, добытые с бою,
И план выполнялся—на ять!

Проугленный сумрак подвижен и густ,
Рыч врубса надрывист и груб...
Трясется машины лоснящийся брус,
И плывет под сухой, напряженнейший хруст
Волной оседает на вруб.

И голос несется сивозь гульную тень,
Сивозь пыли и грохота смеси:
Ребята! Работа горячая всем,
Ведь это не шутка добыть 307!..
Но... есть 370?!!
..... Есть!!!

Донбасс, рудник и.к. Рухомоноча

самые надежные

валерий санчов
отрывок из романа
«золотой песок»

Звонок настольного телефона истошно затрезвонил, сразу оборвав нить мыслей Попова. Холодная рука его потянулась к трубке, и солнечный луч заиграл на его бледной коже и вылезших из рукавов синей «тужурки» краешках манжет. Штер успел заметить в свете этого луча длинный цвет волосинки на адмиральской руке, длинные и торпачищиеся, не стертые физическим трудом.

— Да! Я слушаю... Что? Ну, ну... Говорите же...—голос адмирала, дрожал, на высоком лбу его волнами взметнулись глубокие морщины, а уголки беззубых губ внезапно провалились, точно он проглотил вставные челюсти. Только сейчас, слушая со стороны, Штер вспомнил, что деловая ладонь седьмичий год адмирала; звук, который издает пилл, когда внезапно дубя ее натолкнуто на железо.

— Что? Да не может быть! Вы толком, толком...—Пальцы адмирала нервно забарабанили по толстому стеклу, которое, вместо бюбара, прикрывало несколько бумаж на столе.—Вы что-то путаете... Гвардейский экипаж на встречу этого самолета? Да и где же вы? Кто? Рошаль? Кто повелит? По льду? Да, это чорт знает, что такое... Нехватает, чтобы с судов был дан салют...—Адмирал злобно швырнул трубку и аппарат, жалобно звякнув, злямок.

Штер снова взглянул на адмирала и испугался. Бескровное аристократически-бледное лицо его поспело, как в припаде удущия, глаза готовы были выкатиться из орбит, а большие ноздри его крупного носа широко раздувались, как бока у загнанной лошади. Он открыл рот и большими глотками пил воздух, точно в легких у него нехватало дыхания, и только через минуту заговорил:

— Вы понимаете? Нет! Вы не поймете! Вы—армеец!—неспособны понять этой оплеухи... Да, да, оплеухи...

Штер открыл было рот, чтобы спросить, какую оплеуху нанесли адмиралу Попову, помощнику начальника морского штаба, но адмирал не дал ему произнести ни слова:

— Понимаете? Они повели гвардейский экипаж из Кронштадта по льду встречать на Финляндском вокзале этого... этого...

— Кого?

— Ну, этого, как его... Ленина. Запломбировавшего социалста.

— Ленина?

— Ну да. Вы ведь, небось, читали. Он сегодня должен приехать из Германии.

— Из Швейцарии, адмирал,—поправил его Штер.

— Из Германии,—упрямо повторил адмирал.—Именно из Германии. Вы думаете, зря германский штаб пропустил его, по-существу русского подданного, через Германию? Несомненно, у него поручение... Да, да, несомненно... И гвардейский экипаж, предводительствуемый каким-то бродягой Рошальем, проходящим в морской форме, устраивает в честь его чут ли не парад! Это ли не оплеуха? Морского министра они встретили свистом, а немецкого шпиона идут по льду встречать! Как это назвать?..

Адмирал порывисто вскочил и зашагал по длинному кабинету, делая огромные шаги. Штер откинулся на спинку кресла и следил глазами за суховатой фигурой в морской форме с орденами на золотых погонах, с терпеливым измерявшей шагами комнату, тоном от этого, от скорости его шагов, зависело решение задачи большой государственной важности.

Наконец адмирал остановился перед Штером и стукнул кулаком по столу. От неожиданности Штер даже привскочил к креслу.

— Вот! Вот! Штабс-капитан Штер, вы просиди назначенные. Вот вам задание. Боевое, ответственное. Возьмите полторы пулеметчиков и сейчас же отправляйтесь на Финляндский вокзал. Разгоните эту сволочь. Пусть трещат пулеметы. Пусть горы трупов запрудят вокзал. Только не позор! Идите! Вся ответственность я принимаю на себя. Я—адмирал Попов—вам приказываю: никаких встреч со стороны гвардейского экипажа не допускать. Разговаривать!—Последнее слово адмирала выкрикнул каким-то истерически-визгливым голосом и затопал ногами.—Штабс-капитан Штер! От вашей решительности зависит все. Действуйте, действуйте и действуйте! Немедленно. Сейчас же...—и адмирал торопливо набросал карандашом на листке из блокнота несколько слов.

Штер стоял перед адмиралом на вытяжку. Он победил и холодный пот крупными бусинками выступил у него на лбу, но он поднял руку, стерев пот от не посмел. Такого оборота дела он ожидал меньше всего, и приказ адмирала был для него пошлейшей неожиданностью, и притом неожиданностью самого неприятного свойства. Но возражать, отказываться он не решился и машинально принял из рук адмирала листочек, на котором от бешенства лицо адмирала, его налившиеся кровью глаза, гримаса, искаженная брызжущей слюной губы, и кулак, упрямно долаживший доску стола, сбили Штера с толку, столкнули с привычного положения. Он утерла даже способность здраву рассуждать, и лишь несознанный, инстинктивный протест заставлял его стоять на месте. И только когда адмирал еще раз крикнул:

Ленин на бривание у Финляндского вокзала. Кадр из кино-фильма «Десять дней, которые потрясли мир»

— Идите же! Здесь нельзя медлить ни минуты!—он автоматически подхватил с ручки кресла свою фуражку, круто повернувшись, быстро направился к дверям и не оглядываясь, вышел.

Он шел по извилистым коридорам морского штаба, бессознательно сворачивал из коридора в коридор, и все else видел перед собой лицо расширенного адмирала. Мысли его, подобно его ногам, также без управления, без системы, кружились по извилистым мозгам, запыливались, возвращались обратно и ничего связанного, определенного, ясного а них не было.

Всем своим существом штабс-капитан Штер противился полученному приказу, всеми своими чувствами он готов был протестовать, но дисциплина, которая привычно требовала беспрекословного подчинения распоряжениям старших, толкала его вперед, к неуклонному выполнению приказа.

На последнем повороте перед широкой лестницей Штер овладел собой. Он нахлобучил на голову фуражку, оправил ремни и, перенеся ногу, точно ходил в строю, твердо шагнул по лестнице вниз. Чувство дисциплины поддало в нем инстинктивные протесты.

Записка адмирала освободила Штера от всяких забот по комплектованию отряда. Дежурный офицер немедленно предоставил в распоряжение Штера взвод пулеметчиков и, проважая Штера, конфиденциально шепнул ему на ухо:

— Можете быть покойны. Самые надежные солдаты. Лучшие в гвардии!

Штер только кивнул головой и откомандовал.

Он старался обходить многолюдные улицы и вел взвод по пустынным переулкам. Солдаты шли строим, четко отбивая шаг, а сзади звякали о камни мостовой прикрытые мехлами пулеметы, напоминая собак, которых почему-то тащат за задние лапы.

На одном из перекрестков Штеру пришлось остановиться. По улице шла внушительная колонна рабочих с красным флагом и транспарантами, надписей на которых Штеру не удалось прочесть. Рабочие шли молча, даже слишком упрямо, как показало Штеру, для такой большой демонстрации, точно обдумывая какие-то важные вопросы, и только передние, главным образом совсем молодые ребята, задорно запевали:

Порой винили в нем в тюрьмах сырых,
Свой суд бесконечный над вами
Враги-палачи уж давно изрекли...

Слово «палач» больно колынуло слух Штера. Он всю дорогу старался заглушить нарастающее в нем чувство протеста, чуждое чувство, которому он не знал причины или, вернее, не хотел ее знать, и только теперь, под песню молодых рабочих, вдруг вспомнил забытое слово, которое, как ему вдруг стало ясно, он давно тиснено искал в своей памяти; чтобы четко и ясно сформулировать свою роль, назвавшему ему адмиралом.

— Ну, конечно же, палач! Самое верное определение, подумал он и даже обрадовался, что так внезапно и быстро пришла загадка его бесконечному беспокойству. — Я палач. Меня отградили испанцы, роль палача революционных матросов, которые ищут из Кронштадта по льду встречать Ленина.

Он оглянулся на своих солдат. Они шагали бодро, твердо и на лицах их под влиянием первого весеннего дня заиграли улыбки, расправившие морщины, ставшие борозды на негрит задумявавшихся за последние недели лбах.

— И они... Они тоже палачи? — подумал Штер и тотчас же отогнал эту мысль: Нет, они не знают, зачем и куда я их веду. Они — пешки. Пешки у... пешки, закончи он свою мысль, вспомнив, что и он в сущности такая же вещь, которую игрок — адмирал Попов — выдвинул на одно поле вперед на своей шахматной доске. Штер еще раз обернулся и взгляда его почему-то задержался на рубсорбород ефрейторе, на груди которого два георгиевских медали и крест, в такт его шагам, раскачивались и серебристо звенели, ударяясь друг о дружку.

— О чем он думает? — промелькнуло у Штера мысль, и будто в ответ на этот вопрос, ефрейтор обратился к Штеру:

— Господи штабс-капитан, дозвольте запелать?

Штер махнул рукой:

— Ладно! — ефрейтор, обернувшись к солдатам, крикнул: — Подтягивай, ребята, — и сам густым, рокоучим баском, по-вадмирински окая заткнул:

Вихри враждебные ревут над нами,
Нис еше судьбы бжевестне ждуть...

Штер вздрогнул:

— И с этими я хочу расстрелять матросов? Это — самый надежный вывод! — Он снова оглянулся и посмотрел на открытые чехли пулемета. — Если солдаты поют «Варшавянку», то этим вряд ли придется запелать свою песню...

Слова мысли в голове у Штера заперелись в довороты, и, чтобы расшить их, он прибавил шаг, постройнее шмы побоям, в ряд с рядовыми братьями, к пролоному льду побоем преследовало его, как тень на солнышке, не оставая, не задерживаясь.

На площади перед Финляндским вокзалом Штер построил свою вывод таким образом, чтобы перед лицом его была вся площадь, чтобы сразу же увидеть появление кронштадцев. На площади уже собралось много народа, и когда рядовых, которую Штер ранее пропустил, рассыпался, лестница, а шиты с надписями протянула над входом в вокзал. Теперь Штер ясно прочел:

— Привет вождю революционного пролетариата! Да здравствует мир! Долой войну!

Площадь чернела от прибывающих толп. Рабочие приходили со всех окраин Петрограда, а между черными плакатками рабочих то тут, то там серели шинели солдат и изредка поблескивали звездочками погоня парторгшников. Наиболее напористым удалось проникнуть в здание вокзала, но на смену им из переулков приходили новые толпы и затуркая площадь.

В толпе кое-где выделялись синие бушлаты и бескозырки матросов, но это были не те, которых ожидал Штер. Кронштадцы должны были прийти организованно, отрядом под командой Рошала.

Штер взглянул на часы. До прибытия поезда, в котором должен был приехать Ленин, оставалось всего лишь полчаса. По часам, в течение которых Штеру предстояло принять все меры, чтобы сорвать в готовившуюся кронштадцами встречу. Он бросил взгляд на пулеметы. Солдаты сняли с них чехлы, и они перестали напоминать собачек, а больше походили на головы небольших слонов, у которых хоботами являлись стволы, а шиты — ушаны. Штер еще не отдал ни одного распоряжения своему взводу; солдаты по собственной инициативе, сами, вероятно не зная для чего, построили пулеметы в одну шеренгу.

— Погляди? Нет? — мелькнула у Штера мысль. Он испуганно вглядывался в лица своих солдат, точно сияя прочесть в них ответ на свой мучительный вопрос. Но лица их были спокойны, некоторые даже улыбались и перемигивались с молодежными работниками из толпы.

Изо всех углов появились броневички и их тархтанцы, заглушив паровозные гудки прибывшего поезда. Головной броневичек остановился почти у самого vestibula.

— О том, что поезд уже прибыл, Штер узнал по внезапному движению толпы. Из вокзала кто-то передавал эту весть, и она из уст к устам, как по цепи на лозинках, проходила по толпе:

— Приехали! Приехали! Приехали!

Гул голосов докатился и до Штера. Эти слова, как боевая команда, вдруг наэлектризовали его, заставили пружиниться его мышцы и закружили голову тем привычным уже описанием, которое не раз испытывал Штер, идя в атаку.

Кронштадцы не было видно. Тем не менее, Штер, подобравшись к своим солдатам, негромко скомаандовал:

— Номера, по местам! — и пулеметчики проворно и беспрекословно встали у пулеметов.

Толпа у вокзального vestibula поддалась немного назад и в стороны, ишиная проход, и в широко распахнутых дверях показалась группа людей.

Революционные кронштадцы на улицах Питера

Вперед шли огромный роста чернороборы тогаст в плавкой фетровой шляпе и драповом пальто и молодой русский моряк в офицерской форме, очень нерыный и подвижный. В нем Штер сразу опознал Раскольниково, которого ему однажды указали как опасного большеистского агитатора. Сзади Раскольниково, держа в руке надетые мятую кепку и размазывая ее в знак приветствия, шел заскандованный чеховым с убаюкивающим принудительным глазом и небольшой рыжато-пеленатый бордород. Он что-то говорил скоинишему к нему высокому солдату, энергично кивая головой, и одновременно кидал взоры на запрудившую площадь толпу, помахивая кепкой и жестикоуничивая рукой, свободной рукой.

Это он и есть! — раздался сзади Штера шепот. Но он не обернулся, не посмотрел на того, кто произнес эти слова, так как глаза его вдруг встретились с взглядом повернувшегося в его сторону Ленина, и Штеру показалось, что взгляд этот насмешило, что Ленин смеется над ним, над его пулеметами, над его приходом на вокзальную площадь.

Штер почувствовал, как густая краска залила его лицо и в горлу подкатил комок слезы. Он инстинктивно вскинул вперед руку на фее своей шляпки, точно желая выхватить ее и кинуться вперед крошить головы. Но громкие крики, рев, в который перешел замолкший было на мгновение гул толпы, задержал его руку. Он увидел, как Ленин, спустившись со ступенек, вдруг подхвативший десктоком руку, изменился над голы и подал к Броневичку. Он ухватился за тонкий прыжок и очутился на крыше мышиного цвета машины.

Толпа одобрительно загудела, захопала в ладоши и замерла, когда лобастый человек с развевающимися полами темно-серого пиджака, замахнув рукой, загворнил, бросая отрывистые, растворяющиеся над человеческими головами фразы.

Штер не мог рассматривать всего, что говорил Ленин: он стоял слишком далеко от Броневичка, но отдельные слова долетали и до него.

— Мир... Прекратить империалистическую войну во имя интересов рабочих и крестьян... Мировой пролетариат... Власть советам рабочих и солдатских депутатов... Национализация заводов, фабрик и поместий...

Ленин, чуть-чуть картавя, выкрикивал слова, которые в умах собравшихся превращались в яркие, понятные и близкие лозунги, и крики «правильно, верно!» свивались в один гул, мощный, ободриющий приговор толпы, которая сразу признала в Ленине человека, умеющего в простые и ясные фразы вкладывать мысли, чувства и надежды всей этой многоликой и многоголосой толпы.

Ленин кончал. В нарастающем гуле многотысячегосного гура-Штер вдруг рассыпал мерный топот стег ног. Так ходит молот строительная военная колесница, дробно отбивающая шаг, точно припечатывая.

Идут... те... которая... кронштадцы... — мелькнула у него мысль, вернее — околок мысли, сразу сменившая его доде виденной и почему-то запечатлевшейся в мозгу картинной «Я январь: залп по толпе, раненые и убитые на улице. Сразу похолоделись плавающим он до боли в ногтях сжал руку шпалки и обернулся к солдатам: — Братцы! Номера... при... — дальше он не успел ничего до-бавить.

Пулеметчики кинулись вперед, увлекая и Штера с собою, к Броневичку, и грубые из серых солдатского сумки рукавом вылезавшие руки подхватили Ленина и осторожно опустили его на землю. Рубсорбород ефрейтор с георгием над самим ухом Ленина крикнул:

— Да здравствует мир! Долой войну! — и слова его, подхватываемые пулеметчиками, быстро разнеслись по площади, и в рокоте тысяч голосов, как волны, колытались во все углы залягавшие призывы: — Да здравствует мир! Долой войну! Бей власть советами! Штер успел увидеть, как Ленин, поддерживаемый солдатами и рабочими, над головами их поплыл к автомобилю, и вслед за тем почва под ногами у Штера вдруг заколебалась, провалилась, и сам он оказался в воздухе, поднятый чьими-то сильными руками и где-то под собою услышал:

— Да здравствует революционные офицеры! — сверху, падая на протяжные руки, заметка, как из переулка стройными рядами, каблуками отбивая дробь, вышла рота павловцев.

Звезду

1

Листы железа бегут по синим ножам пилы, стонут под прессом, сыплют искры на глянцевых камнях,— они приближаются к сборке, чтобы превратиться в часть аппарата, который сам будет превращать—повышать и понижать электрическое напряжение.

Навстречу пластинкам, из которых собирается сердечник трансформатора (главною или аппарата), движутся катушки (таково имя аппарата). Катушки сядут на сердечник, обожженный трансформатор оденут в железный кожух и залют маслом. Аппарат поедет к далеким площадям строев, к берегам неширокого реч, в сторону нугу торфяных болот. Электротехники, инженеры, ударники, сотни тысяч новых потребителей электрической энергии, не видевших никогда светящихся нитей воольфрама. Ведь без трансформатора практически невозможно передать, распределить потоки энергии.

Катушка движется навстречу железной пластинке, на сборке линии перекрещиваются, трансформатор становится реальностью. Трансформаторный отдел Электрозавода работает к финишу пятидесятилетнего существования. Здесь выдвигаются все нарастающий ритм, здесь гибель вчерашнего темпа и рождение нового, огромная сила ударных методов труда сдвигает, поднимает кривые заводских графиков. Но все эти бесчисленные приемы, движения рук, стисков, поджимков, температуры, веса веществ, химические связи,—все то, что составляет ядро производственного процесса, его техническую суть,—все это повторяется изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год, не изменяясь, не теряя одних и не приобретая новых свойств.

Спросим тов. Хоростеу—ударнику, почему именно так нужно заливать изоляторы, как делает она? Не отстанет ли заливая? Она не знает, она отсылает к мастеру, а у мастера такие вопросы высказывают тупо: к чему задавать такие дурацкие вопросы, разве не так работают всюду и всегда, разве можно работать иначе?

А те ребята, следящие за бегом железных листов на оклейке,—интересовались ли они, какой клей употребляется при работе? Проникает или не проникает вода сквозь бумагу?

Интересовались ли они, их товарищи по цеху, по отделу, по комсомольской ячейке, нельзя ли этот сорт железа—немешкое легированное железо, которое обходится нам в копеечку—нельзя ли это железо заменить нашим уральским? Или катушки наматывать опять-таки не из медной проволоки, а из железной, да так, чтобы не только не понизить, а, наоборот, повысить коэффициент полезного действия трансформатора? Кстати, над этими вопросами уже работает коллектив по строительству образцового трансформатора. Крепко спаянная группа инженеров и конструкторов в напряженных творческих поисках создает новую конструкцию трансформатора: соединяющую в себе американский, европейский, и советский опыт на высшей основе. Работа этого коллектива может взорвать сегодняшнюю рутину. Ведь нетерпимо такое положение, когда единжды установленная операция заставляется и больше не подвергается проверке и эксперименту.

Вот опускут катушку в чаш с маслянистой массой. Катушка должна быть пропитана этим составом для изоляции витков. Сколько минут нужно держать катушку в чаше? Это не скажет точно ни рабочий, ни мастер. А чаш, собственно говоря, пропитывают катушку? И это неизвестно. Мастер пребрежительно, недоброливо бросает:

Чем? Известно чем—ярославским лаком.

Химический состав ярославского лака неизвестен ни мастеру, ни инженеру, ни отделу

снабжения. Последний, правда, ссылается на завод имени Леспе—там тоже» употребляется такой состав. Но что он собой представляет? Известно ли он, выгоды ли он, этот лак? Об этом не знает ни одна душа во всем исполномском Электрозаводе.

Беспечно, по рутинке, кое-как пропитанная, кое-как просушенная катушка понаедет в сборку. И где-либо на ИИГЭСе, дождавшись все,—повторим мы слова вождя. Данный плакат со стальной цитатой висит на стене сборочного хема малых трансформаторов. Кто вооружил меня, моих товарищей, всю бесчеловечную силу завода элементарными техническими знаниями, умением обращаться со станком, называйте козью своей операции на стержень производственного потока? Мастер. А мастер? Где он получил свои познания? На чем они основаны? Где это записано, в какой книге говорится, что я должен только так просушивать катушки, только так крепить изоляцию, только так собирать сердечник, а не как-либо иначе? Многие мастера когда-то работали на старых заводах, на «Динамо», у «Сиенса-Шуккерта». Там, на различных работах, может быть не имея и представления о трансформаторе, они получили свою общую техническую спорную. Но техника рвется вперед семимильными шагами. Вместе с изменением оборудования изменяются приемы, операции, составы веществ, которыми опериру-

ют. На заводе, в стране совершается величайшая реконструкция, закладываются основы самой могучей техники, какую когда-либо знал мир. Из этого цеха и в этот цех льются токи хозяйственной инициативы. Технически малограмотные, мы идем от одного рационализаторского мероприятия к другому. Рабочий

трансформаторного отдела Шиклев предлагает изменить конструктивно пробок к расширителю. Товарищи Спирidonов и Фельдман предлагают новые приспособления для oprавки колец трубок Бергмана. Ударник Белов вносит предложение штамповать, а не обрабатывать на револьверном станке шестигранные гайки. Конструкторская и рационализаторская мысль электрозавода не знает покоя. Она вращается, главным образом, вокруг отдельных, мелких, но важных конструктивных и хозяйственных вопросов, еще не осмысливая своего процесса. Поток рабочих предложений изо дня в день сыплет горячие струей всечеловеческие неполадки, неуязвки, облегчат и убыстрит машинный ход производства. Но качество продукции трансформаторного отдела почти не улучшается. Элементы проходят здесь, в трансформаторном отделе Электрозавода, на этом вулкане рабочей инициативы, по-существу, живет еще статическая, мертвая, покоящаяся на российской мастеровической системе производства.

В этом великомощно распланированном и оборудованном цехе, не уступающем многим американским заводам, работают на основании обычных познаний отдельных мастеров и и техников, нигде не записанных, не проверенных научным анализом. Если сегодня группа техников разоблачат во вредительстве и уберут с завода, то ведь вместе с ними исчезнут производственные «тайны» и «секреты», которым может быть и гроза цены, но которые сегодня дозреть нужны.

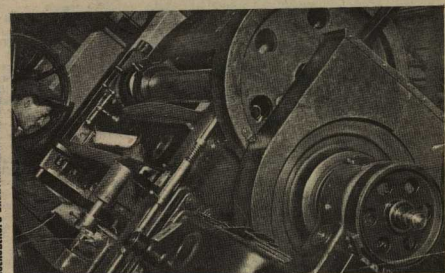
Согласится на такую «иностранную зависимость»? Нет,—говорим мы,—не согласны.

2

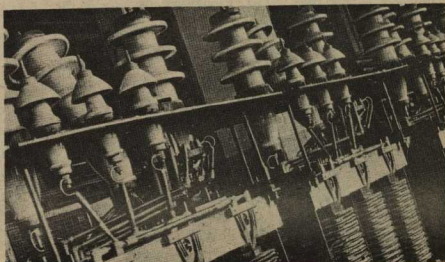
Рабочий шиклев заметку в газету «Электрозавод»: безобразно, вредительство, трансформаторный отдел не умеет воспользоваться дорогим стоящей техникой помощью име-

М.Х. ГОЛЬДБЕРГ

Консомольско-Ударник штамповочный цех Исполнительного Электрозавода Ленинграда

Электрозавод. Трансформаторный цех

ричанцев, рабочей массе не передают иностранного опыта. Работу известно, что в школу технической части отдела хранится толстая книга. На адрес этой книги почти ежедневно прибывает плотный пакет: из САСШ, из Скенектады, где расположены известные Пицифильские заводы «Джин» («Джепери» электрик компания—«Всеобщая компания электричества»).

Москва, Электростроительный завод держит в руках нити, связывающие его с центрами самой передовой в мире электропромышленности. В марте 1929 года уполномоченный ВЭО и представитель «Джин» подписали в Нью-Йорке договор, по которому американцы должны оказывать нам систематическую производственную и техническую помощь. Мы получаем копии американских чертежей, различные материалы, посылаем своих инженеров в цехи и лаборатории заокеанских гигантов.

В пакетах из Скенектады содержатся как называемые производственные инструкции по трансформаторостроению. Книга, которой они адресуются,—сборник этих инструкций, в ней около пятисот листов. Новые листы должны сменить устаревшие. Книга живет, она сбрасывает пожелтевшие листья, как мочуе широкостебельное дерево, и расцветает вновь, ее живая мудрость не знает пыля и павесни рутини.

Когда электростроительский инженер, коммунист тов. Иоффе, детально ознакомился с постановой дела на мощном трансформаторостроительном заводе в Скенектаде, ему пришлось однажды разговаривать с мастером-американцем.

— Инженер,—сказал мастер,—пока вы доедете до Москвы, у нас тут все изменилось.

К этим гордым словам была примешана капля горечи. Великолепно налаженное дело начинает покрываться. «Да, если б не этот кризис...»

Электростроитель думал о другом. У этих американцев важнейшее преимущество—у них записано, документировано и научно организовано производство. Чорт возьми, они сумели мельчайшую производственную операцию, какую-либо ничтожную деталь—как

прикрыть крышку котла, на какую десятую долю градуса поднять температуру раствора—они сумели это записать на бумаге, внести в книгу производственных инструкций, поднять до уровня наук.

Лаборатории Пицифильских заводов, стоящие там по существу главным цехам, непрерывно проверяют все звенья производственного процесса. Трансформатор делается сегодня не так, как вчера, а завтра он должен делаться не так, как сегодня. Правда, это американское «завтра» весьма туманно.

Но лицифильские директора и инженеры еще верят в «просперити» («процветание»).

Лаборатории добились улучшения операции. Она немедленно идет в цех новую производственную инструкцию: работать не так, а так. Вот перевод части американской инструкции, полученной трансформаторным отделом Электростроительного завода:

Производственная инструкция № Р-36052

Лаборатория отдела Раздела 51, лист № 9

Отменяется предыдущий выпуск от 9

окт. 1930 г. Выпуск 31 окт. 1930 г.

Обработка катушек галталаевым лаком № 1154

А. Погрузи в галталаевый лак № 1154, имеющий вязкость 115—130 С. Р. при 21° С, на 1/2 часа или до тех пор, пока не прекратится выделение пузырьков воздуха. Употребляй растворитель № 1154 Т, чтобы поддерживать вязкость постоянной.

В. Вытащи и дай лаку стечь, пока все остатки лака не стечет.

С. Помести в печь и запекай в течение 9 часов при 100—110° С.

Здесь уже нет места работе «на глазок». Смерть мастершине и мастершине!

И рабочий не может равнодушно пройти мимо того, что такие ценнейшие инструкции еще не переведены, не приспособлены к нашим условиям. Его товарищи не могут замолчать того, что на Электростроительном нет никакого лабораторного исследования трансформаторного производства.

На Пицифильском заводе каждую неделю меняется десять производственных инструк-

ций,—хорошо. Там на ходу специальные лаборатории, изучающие состав материалов, конструкции оборудования, характер операций,—хорошо.

Но мы сегодня не так уж бедны. У нас есть мировая сила—Энергетической институт, которому восторгаются иностранцы. Почему комсомольцы трансформаторного отдела не могут выступить инициаторами производственно-технической связи между институтом и отделом?

Мы уже говорили о коллективе по строительству «образцового трансформатора». Коллектив добился серьезной победы: на семь сотых поднял коэффициент полезного действия «образцового» по сравнению с коэффициентом существующей конструкции. Минстер Леннокс—американский специалист—сначала откатывался на совещании у директора. «Я считаю, что эта конструкция приближается к американской»,—наконец заявил он. Почему замечательную работу коллектива не положить в основу создания специальной лаборатории трансформаторного отдела?

Электростроитель может гордиться своим ОПИ (отдел производственных исследований), где родятся «нобелиты», где впервые были разработаны различные типы катодных и ртутных ламп, где в буквальном смысле слова зародилось новое производство—производство неоновых ламп и т. д.

Все же завод не достиг пока органической последней связи лаборатории с цехом, ставшей в САСШ базой производственного процесса. Даже «Лампочка» (отдел, которого больше всего коснулись работы ОПИ, в то время как трансформаторный остался совершенно неизобретным) кричит через газету «Электростроитель» о проклятой мастершине, о губительной системе передачи производственных навыков и опыта «из уст в уста», с которой лора, наконец, вконец.

Довольно срывов программы. Довольно выходящих теплов в течение первых двадцати дней месяца и лихорадочной гонки в конце. Довольно брака и ломки станков.

Новый металлургический сплав, приближающийся по твердости к алмазу.

За производственную инструкцию, за умелый шаг на большевистский размах американский опыт, за качество продукции Кочере: за технику!

Знания технического похода развернуто на большевистский завод, первым в СССР над позициями пятилетний план. В рабочем клубе несколько тысяч электрозаводцев участвовало в расширенном заседании бюро Центрального комитета ВЛКСМ, когда принималось решение, известное сегодня каждому комсомольцу. Станце, — говорится в этом решении — комсомолец и ударник проведет тем, насколько он по-настоящему овладевает планом рационализации, насколько он становится специалистом, подлинным хозяином дела, знатоком своего станка, цеха, предприятия в целом и в частности — электрозаводца сумели найти остроумную и четкую форму борьбы за технику. В среде заводского актива родилась идея займа технической учебы. На заем подписывается рабочий — он должен гасить купоны часами занятий в техническом кружке. На заем подписывается специалист — он должен гасить купоны часами преподающих уроков. Ты можешь подписаться на 20 часов, если времени в обрез. Ты можешь подписаться на сорок восемь часов — получишь большую помощь знаний. А ведь уже не для красного слова сказано о «ломоте». Технические знания действительно нужны электрозаводцу, как хлеб... Сегодня электрозаводцы, выполнивший пятилетку в два с половиной года, не может хорошо драться за производственный, не вооружившись техническими знаниями. Мыслимо ли, чтобы Электрозавод не выполнял свою программу?

Большинство подписывается на 48 часов. Если бы принимали подписку на 100 часов — подписали бы на сто. «Абы чинили», как сказал старый сварщик трансформаторного отдела.

Идея техзайма давно вырвалась за стены завода. Вся страна перенимает электрозаводский опыт. Вчера в заводе получили письмо из Дагестана: «Мы хотим учиться, как вы это проводите».

А на самом Электрозаводе идея все еще пребывает в состоянии новорожденного птенца. Худенькое тело еще не покрылось перьями. Идея сбежала от беспомощности и неопределенности. 4 тысячи, 30% электрозаводцев, подписались на заем. Но итrowsкая общественность не мобилизована. Многие специалисты не желают подписываться, другие спрашивают прежде всего — сколько заплатят?

У организаторов заводского техзайма еще нет ясного представления, как будет происходить реализация займа. Большинство склоняется к мысли, что основной учебной формой должна быть производственная ударная бригада. В ее показателях — вестие показатели по реализации техзайма. Пусть это будет швом, которым крепко свариваются борьба за промпиллан и учеба. Иначе не мыслимо.

Цехи готовятся подняться на высшую ступень — стать цехами-школами, цехами-вузами. Все настойчивей говорят о превращении всего Электрозавода в завод-вуз всесоюзного значения.

Электрозаводские комсомольцы, почему не выдать нас в авангард движения? Где план практических боевых действий? Где программа? Почему не мобилизованы молодые специалисты, студенты, практиканты? Почему не обеспечены техжурки помещением? Технической книгой? Помощью иностранного специалиста?

Комсомольцы трансформаторного, призваны за проведение записи, фиксации производственного процесса, за выработку наших собственных производственных инструкций, за создание лабораторий — это будет смертельным ударом по мастерской и кустарщины!

Да, вот завно, за которое нужно хвататься!

Мы должны создать собственные тома научно-освоенного технического опыта. Пусть эти тома будут живым мудростью борьбы за социализм. И каждый лист записывается в себя уния коллектива, не мыслящего своей учебы вне борьбы своего класса.

оружие ленинизма В РУКИ МИЛЛИОНОВ

Московские комсомольцы выступили в поход за овладение ленинизмом. На боевых знаменах штурмующих твердыни знания козлов начертаны слова: «Каждый цех — ленинский университет». Московский завод должен стать сигналом для всех организаций. Ленинизм, большевистская теория существует отнюдь не для того, чтобы быть достоянием горсточки ученых начетчиков, и книги Ленина нисколько не похожи на те же тяжеловесные кирпичи профессорской мудрости, которым уготовано безмятежно покоиться на библиотечных полках.

Ленинизм — боевое оружие партии, страющей социализм, и неиссякаемый источник опыта для борьбы мирового пролетариата. Учение Ленина в равной степени блестяще предугадывает и пути большевистского маршута к диктатуре пролетариата, по которым идут пролетарии мира, и основы строительства социализма, фундамент которого завершает сейчас советский пролетариат.

Отсюда необытное значение избранных сочинений Ленина в шести томах, издаваемых Госиздатом.

Не сразу можно разобраться во всем гигантском наследстве, оставленном нам великим создателем подлинной науки о путях победы революции и социалистической стройки. Шеститомник в сжатом виде, излагаая наиболее ценное из того, что написано Лениным, облетает для миллионов читателей непосредственное ознакомление с произведениями Ильича.

Вот первые три тома. Они охватывают годы исторического подготкования и победы Октябрья, годы борьбы за создание сильной, неукоснительной партии пролетариата. Том первый начинается с проникновенного исследования аграрного вопроса, с труда о «Развитии капитализма в России». Ленин высмеивает и разбивает выребы буржуазные экономисты, сводящиеся к замалчиванию классовой дифференциации в деревне, к отрицанию того, что в деревню ворвалось шумное движение капитализма.

Эти работы имеют не только исторический интерес. В них не только даны ярчайшие картины осуждения крестьянской массы, на спинах которой возводил свое благополучие кулацкий верхушка. В них не только показано, как созревает для борьбы за власть новый класс — класс пролетариата. Сила этих произведений в совершенно исключительном покое того, как в условиях капитализма закрыт для основной массы крестьянства выход из нищеты и бездальи. Ведь факт, что в конце XIX века в России воее нереди случаи, когда крестьянам приходится откупаться за отказ от надела, платить «верхне» некоторую сумму тому, кто взял на себя надел ушедшего... (Истор. соч., т. I, стр. 31).

Разве эти живые факты прошлого не лучшее обвинение против всех ревнителей кулацкого «вращения» в социализм и «народнических» побасенок о деревне, как едином целом, без классовых переформоток? Исследования Ленина о развитии капитализма в России являлись основой большевистского вывода о роли пролетариата, о задачах и месте пролетариата в борьбе классов. Пролетариат должен быть гегемоном. И Ленин раздает звонкие пощечины тем мнимым «дружбам» парода, которые восхваляют добродетельных помещиков, а марксистов пытаются изобразить чуть ли не глашатаями капитализма.

Народники, не понимавшие, что центральную движущей силой революции является пролетариат, и не могли иначе смотреть на вещи. Недаром они породили асеров — партию кулацкой контрреволюции. Разоблачая народничество, Ленин направляет огонь и против оппортунистов, пытающихся под флагом марксизма подменить борьбу политическую экономическим хросборчеством. Лжемарксисты Прокопович, Кускова и др., сейчас состоящие в рядах оголтелой белогвардщины, беспощадно изобличены Лениным.

Наконец, значительное место в первом томе занимают работы, посвященные борьбе за партию. В 1907 году Ленин раскрыл блестящую программу строительства партии. Начиная с оценки газеты как коллективного организатора, а не только коллективного пропагандиста и агитатора, и кончая страстной защитой железной дисциплины, в работе, рихаходим тысячи указаний, сохраняющих всю свою силу по сегодняшний день.

Разве не прямо в сердце сегодняшних оппортунистов правого и «левого» толка, выдыхающих о «праве на сомнения», о «свободном

крики, направленные слова Леона: «Мы идём крестной кучей по образованию и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились по свободной прихоти, решению и инициативе для того, чтобы бороться с врагами и не отступать в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимают кричать: «Пойдемте в это болото!» А когда их начинают стыдить, они возражают: «Каким вы остаетесь люди и как вам не совестию думать за нами свободу звать нас на соседнюю дорогу!» — О, да, Господи, вы свободны, но только звать, но и идти куда вам угодно, хотя бы в болото: мы находим даже, что даже настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к вашему переселению туда» (том I, стр. 412).

Во втором томе запечатлены 1905—1914 годы — период от генеральной репетиции Октября до взрыва мировой войны. Ленин — борец против меньшинства всех оттенков (Троцкий за его политическое шарахатство достигает в «Соборности» — встает в этом томе во главе). Такие статьи, как «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве», неопиенными для познания корней всей дальнейшей эволюции этого мелко-буржуазного рабака, а также «О единстве и требовании исторической воли. Уже тогда (в 1914 г.) все черты двуличности, обмана рабочих, полной беспринципности, когда речь шла о борьбе с большевизмом, были ярчайшим образом обнажены в сегодняшнем обитателе издана на Пржевальского. Не даром Ленин напоминает о этой эпохе, когда Троцкий блистал перед гимназистами» (т. II, стр. 498). Среди гимназистов, среди мелкой буржуазии, навязывавшей на себя красный блант, мог сиять лавры Троцкий. В рабочем движении он всегда был чужаком, пришедшим гостем, получником, переселенцем на другой год, когда революция минавала все останки предристок социализма.

1914—1917 годы отражены в III томе. И тут немало замечательных характеристик. Беспощадное обозначение «отстающих десертиров — Зиновьева и Каменева, едкая оценка Суханова — одного из героев недавнего процесса меньшевиков — трусового реформиста, бохотел отступить от буржуазии и тем более поспешить с ней, и в то же время прикрывающего свою трусовость самым блестящим фразерством и хвастовством, — все это живет полной жизнью сегодня. Но основной интерес — в той программе борьбы за Стабильность, которая развертывается во всех статьях III тома. Витуч — презренного дурака из «Новой жизни» — В. Базарова, изобразив «кладушку лож» Зиновьева и Каменева, Ленин в то же время с необыкновенной глубиной ставит вопросы завоевания масс, создавая всех предпосылки для победоносной революции.

Трудно, конечно, даже бего затронуть все богатство ленинских идей в одной статье. Уже вышедшие тома «Избранных сочинений» показывают, что редакция их в общем блестяще справлялась с задачей дать выжимки из ленинского наследия, не урезывая, не комкая, не упуская ничего из основных черт ленинизма. Поэтому, вооружаясь для борьбы с правам оппортунизмом и «левизм» его союзники, вооружаясь для борьбы за темпы, за завершение построения фундамента социалистической экономики, — нельзя не обратиться сразу к этому походному арсеналу. Шеститомник должен стать достоянием миллионов. В каждой ячейке, в каждой домашней библиотеке комсомольца эти шесть книг, вышедшие в себя величайшее богатство, драгоценнейшее оружие в борьбе за социализм, должны занимать почетнейшее место. Вводные статьи, биографический очерк, написанные В. Соринным, объемные примечания облегчают пользование изданием.

Лозунг: каждый цех — ленинский университет должен быть превращен в жизнь с помощью шеститомника.

М. Юлипроф

Ленинский расстрел

ЛЕНИНГРАД

О, братья! Прощай, прощай, прощай, брат! Кто этот отравленный дым задышит? Кто эту кровь врату прощай?

Делала Велюва

«Февраль, 29 число.

«В этот день на Андреевском приiske случилось что-то необычайное. Придя к утренним работ, рабочие мирно обедали. Вдруг выбегает женщина, так называемая здесь «мамка», с тарелкой мяса, забегает в каждый номер и кричит, показывая всем, что дан им на обед. Оказалось, что на тарелке лежит часть полового органа конины. Это сообщение так взволновало рабочих, которые в последнее время одиночно высказывали свои жалобы на скверное обращение с ними: судачки, жаловались на доктора Андреевской больницы Н. С. Короткова за массовые отказы рабочим в приеме их в больницу и грубое обращение и, наконец, на продовольственные, которое ухудшилось до невозможности, — что тут же, собравшись толпой около номеров, все единогласно решили не выходить на работу впредь до удовлетворения выработанных тут же условий по вышеуказанным причинам. К вечеру к ним примкнули рабочие Утесистого прииска, а на утро и Ново-Васильевский прииск, и еще с претензиями, почему они не сообщили им вчера, так как и они вполне согласны с ними, и они перекрест также несправедливость.»

(Из «Ленинских церкви Влагонечина» на Ленинских приисках).

«Жизни рабочих я был просто поражен» (Из докладов окружного губернатора Гевитыма).

«Из 103 казарм, обслуживающих состав рабочих, занятых на приисках 2-й дистанции, в удовлетворительном состоянии находится лишь 15, остальные 88 совершенно не пригодны для жилья в зимнее время... Зимой в них так холодно, что мокрые сапоги при-

мерзают к полу, рабочие вынуждены спать в шпалках, ввиду того, что наголять наг приходится у промерзающих стен. Большинство существующих казарм в таком состоянии, что угрожает не только здоровью, но и жизни рабочих, а потому подлежит уничтожению.»

(Из документов и материалов Центрархива).

«На приисках мы должны, навязываясь на работу, являться один, семью свои можем приводить не иначе, как получив на то письменное разрешение управления; и, в последнем случае, пришедших с нами женщины и подросток обучаем, по требованию управления, посылать на работу, отказываясь от которой приближение с нами члены семьи не в праве, и притом семье подлежат удалению с прииска. В случае несогласия со стороны мужа (отца или брата) на удаление семьи с прииска по предложению управления, управление в праве рассчитать рабочего, как нарушившего контракт... Кроме исполнения пальных работ, женщины обязаны безвозмездно мыть полы в помешках, где живут, и вообще заботиться о содержании этих помешек в надлежащей чистоте и порядке.»

(§ 12 договора между рабочими на опережке 1911—12 г.).

«На Ивановском приiske жена рабочего Карпова, жившего в бараке № 14, была вынуждена на работу в квартиру обходного Александра Павлова; свою полуторогодовалую дочь она вынуждена была приводить на кухню и койке; девочка в отсутствие матери сползла на край койки, упала на пол и при падении ушиблась, получив воспаление мозга и вывих трех пальцев правой руки. Карпова же, вместо работы, для которой она якобы была вызвана, вынуждена была удовлетворить требования надзорного Ивановского прииска Павлова — лечь с ним спать.»

(Из «Своими глазами» рабочего И. С. Круничко «Ленинское делание лианов»).

«Я заставляю работать всех так, что у меня от ношей останутся хвост да грива, а от людей — нос да глаза.»

(Слова главного управляющего промыслами «Азартно» Белозерова).

«Примедя этого сапожника обставлялись такой роскошью, какой, пожалуй, нигде и никогда не обставлялись царские придворные... Я помню, как встречали Белозерова на Тихоновском Задонском приiske. Все работы были приостановлены. Весь прииск вышел на встречу Белозерову. Вся дорога к прииску была украшена цветами и устлана шелком и драгоценными тканями. Когда Белозеров проезжал,

его экипаж забрасывали цветами: для этого вдоль всей дороги стояли шпалеры специальные посланные для этого люди. Воздух наполнялся громовыми раскатами «ура». После началось повальное пьянство. Высшая администрация устроила с Белозерскими заказано — так нас, при встрече... Согласи к ним всех молодых, красивых жен и дочерей рабочих. До утра творились неисчислимые безобразия. Никто не имел права пикнуть.

(Из воспоминаний рабочего И. С. Кручина).

«Именно это общее бесправие русской жизни, именно безадекватность и невозможность борьбы за отдельные права, именно эта несправедливость царской монархии и всего ее режима выступили в Ленских событиях так ярко, что закалил массы революционным огнем.

(В. И. Ленин).

«Помню первое собрание рабочих Феодосиевского прииска, состоявшее 2 марта, в 6 часов вечера. Собралось больше двух тысяч человек. Собрание решило требовать пересмотра договора с Л. З. т-вом. Основными требованиями выдвинуты: вежливое обращение служащих рабочих, отмена при надудельной платы работниц, повышение заработной платы, уплата последней наличными деньгами, а не купонами и переводами, уравнение рабочих со служащими в получении продуктов, изменение условий договора, увеличение рабочих только по окончании договора, отмена обязательных нарядов на работу для малолетних, постройка отдельных барачков для семейных рабочих, введение в мокрый забой 8-часового рабочего дня.

На этом же собрании был избран студенческий комитет, в котором выдающийся роль играли политические сыльные: «Гриша» (большевик), был послан в Бодайбо за восстание в Ростове-на-Дону в 1908 году), Петухов (был послан за участие в одной питерской забастовке), Душич (б. член 2-й Гос. думы), Баташев и Шинкин.

(Из воспоминаний б. забойщика Феодосиевского прииска П. И. Курьявцева).

«Погодите, вы увидите, что обо мне одновременно вся Россия заговорит, я засталою о себе говорить. Быть может, тогда все не удастся мне в ножки поклоняться.

(Слова жандармского ротмистра Тренченкова своим привладельцам).

«В конце марта в Бодайбо приехал окружной инженер Тульчинский с жандармским ротмистром Тренченковым и несколькими жандармами... Не прошло и недели после приезда Тренченкова, как чисте руководители стачки была арестована; остальные члены перешли на нелегальное положение. Со стороны Тренченкова начались репрессии против рабочих. Рабочие решали вырвать арестованных выборных, заявив, что выборные не являются организаторами забастовки, а только упрямчивают ведение переговоров с администрации. Каждый рабочий написал от своего имени заявление о том, что он бастует непризвуждено, совершенно сознательно, по своей воле и что он имеет право требовать освобождения заключенного нового договора отказаться.

(Из воспоминаний И. Н. Курьявцева).

«4 апреля, в 7 часов утра возбужденная толпа рабочих с трех приисков явилась в Успенский прииск к окружному инженеру г. Тульчинскому, требуя немедленного освобождения выборных. Окружной инженер Тульчинский разъяснил, что арест произведен не по его распоряжению и, успев толпу, общедя сейчас же поехать к товарищу прокурору и начальнику полиции, которые живут на Надеждинском прииске. Рабочие заявили г. Тульчинскому, что если их требования об освобождении товарищей не будут исполнены, то они направятся в г. Бодайбо для освобождения арестованных. Действительно, все массы рабочих двинулись на другие приiski, чтобы собрать большие товарищи. Толпа рабочих посетила Пророко-Ильинский и Александровский приiski. В общем, собралось 3,500 рабочих, которые решили идти в Бодайбо, а обратиться прежде с просьбой к г. товарищу прокурору об освобождении арестован-

ных. Кроме того, зная, что прошение скопом подавать нельзя, чтоб подчеркнуть прокурору все недовольство для него же самого от отсутствия выборных, толпа решила, чтобы каждый рабочий в отдельности подаст ему прошение о претензиях к Ленскому т-ву.

Это решение привело всю толпу в самое благодушное настроение. Раздались шутки, прибаутки. Сочинялись сценки, как схватится за голову товарищ прокурору, вынужденный принять в отдельности три с половиной тысячи прошений.

Толпа двинулась по прискомовому тракту параллельно линии железной дороги к Надеждинскому прииску, растянувшись почти на 2 версты. Было уже около 4 часов вечера.

Когда первые ряды рабочих начали приближаться к Надеждинскому прииску, они встретили цепь солдат, построенных в боевом порядке, под командой штаб-капитана Ленина. За цепью были товарищи прокурора Преображенский, мировой судья Хитун и жандармский ротмистр Тренченков, которые решали не пропускать к себе рабочих. Для предупреждения их был послан стражник.

В этот момент на Феодосиевском прииске подхваченный инженер Тульчинский, выскок из саней и бросился к приближающейся толпе, чтобы остановить ее. Но его голос не был слышен. Навстречу ехали рабочие не зная, в чем дело, и двинулись вперед, толкая перед собой переводы и упреки инженера Тульчинского и стражника. Прозвучали сигнальные рожки, которых почти никто не слышал. Раздалась команда и загремели залпы. На месте оказались убитыми 119 человек, раненых было около 350, из которых в первые три дня скончалось около 100 человек.

(Из «Летописи Влазовоевской черны»).

«Убито 270, ранено 250. «Стреляли без предупреждения». В ползущий раненых рабочих стреляли без остановки». Таковы факты кровавого кошмара.

Этот расстрел рабочих масс на Ленских приисках далекой Сибири впишется в кровавую летопись рабочего класса, как яркий образец приемов и способов классового господства.

(Из статьи В. Ива в большевистской газете «Звезда» № 27 от 8 апреля 1912 г.).

«Это — только полувора... Для полного основания необходимо полное расстрел».

(Слова ротмистра Тренченкова).

«Тай было и так будет»
(Заявление царского министра Магарова в Государственной думе).

«Ленский расстрел с ясностью, бросающаяся в глаза всякому, сразу вскрыл, как во имя эксплуатации рабочих скрывается в один отрывательный, кроваво-манитый клубок: международный капитал, царский дворец, охраненные отделения, как биржевой банк в Лондоне распрямляется жизнью рабочих на Лене, а истинно-русский царский министр в национальном Луле защищает барыши предпринятых инстинктов еврейского капитала».

(Из статьи в большевистском журнале «Социал-демократ»).

«Нам непонятно, как произошла катастрофа. Непонятен поступок рабочих, бросившихся в войска. Провален сделался, что могло. Семьям погибших приказано выдать щедрые вознаграждения. Похороны убитых приняты товариществом за свой счет».

(Заявление ошито из владыцке Ленские приискского барона Гинцбургера).

«Даст бог, тяжелый урок отрезвит рабочих, и они изгонят из своей среды зловередных агитаторов».

(Заявление главоуправляющего Ленские приискского Белозерова).

«Плах бы Тренченков, — надо было всех, шараваца, расстрелять с немши в детыши».

(Слова иркутского генерал-губернатора Илюзева).

«В виду брожения рабочих на юге в связи с ленскими событиями, усилить наблюдение за фабриками, заводами и особенно типогрфиями, о малейших признаках забастовки доносить».

(Телеграмма распоряжение жандармского полковника Мобла).

«Мы протестуем, но знаем, что наш протест не найдет отклика в больницах 3-й Думы, а потому обращаемся к пролетариату России с призывом добиваться свободы собраний, стачек, слова, коалиций, отмены смертной казни и третейского закона».

(Из обращения рабочих Вайтской забаво).

«Пусть однодневная первомайская забастовка будет протестом против палачей ленских рабочих».

(Из прокламации Приуральского с.д. союза).

«Ленский расстрел углубил дело, начатое 9 января 1905 года: в 1905 году еще возможно было разделять самодержавие и капиталистов, а ленские дни слили их в сознании рабочих в одну неравную силу. 9 января подготовились февральскую, а ленские дни — Октябрьскую революцию 1917 года».

(М. Овсянников).

«Ленский расстрел явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс. Нет ничего более легкого, как либеральная думка, вторгшаяся, вслед за ликвидаторами, Троицким в венской «Правде», будто «борьба за свободу коалиций является основой как ленской трагедии, так и ее могучего отголоска в стране». В ленской стачке вовсе не было ни специфичности, ни главного требования свободы коалиций. В ленском расстреле обнаружилось вовсе не отсутствие свободы именно коалиций, а отсутствие свободы... от провокации, от общего бесправия, от оглушного провозвала.

«Ленский расстрел... явился тончайшим ограничением всего режима третейской монархии. Вовсе не борьба за одно из прав, хотя бы самых кардинальных, самых важных для пролетариата, характерна для ленских событий. Характерно для них появившееся чувство элементарнейшей законности во всех отношениях. Характерно выступление провокатора, шпиона, охранника, велик царя на путь массовых расстрелов без всяких политических поводов. Именно это общее бесправие русской жизни, именно безнадежность и невозможность борьбы за отдельные права, именно эта несправедливость царской монархии и всего ее режима выступили из ленских событий так ярко, что закалил массы революционным огнем.

Если либералы из кожи лезут вон, стараясь придать ленским событиям какой-нибудь стечкам характер профессионального движения и борьбы за права, то для всякого не ослепленного либеральными (и ликвидаторскими) спорами человека ясно иное. Если революционный характер массовой стачки, особо подчеркнутый петербургской предмайской прокламацией разных групп социал-демократов (и даже одной рабочей социал-революционной группы)... которая повторяет лозунги, брошенные Всероссийской конференцией РСДРП в январь 1912 года.

Да и не в лозунгах даже заключается главное подтверждение революционного характера ленских и майских стачек. Лозунги формулировали то, что говорят факты. Факт массовых, переживавшихся из района в район, забастовок, громадный рост их, быстрота распространения, смелость рабочих, участие митингов и революционных речей, требование отменить штраф за празднование первого мая, знакомое нам по первой русской революции как политическая и экономическая стачка, — все это очевидно, что очевидно, что на истинный характер движения, состоящий в революционном подъеме масс.

(В. И. Ленин — «Революционный подъем», собр. соч., т. XII, с. I, стр. 185—186).

красный аксай*

Б. Жан
Фото Е. Игнатович

Крепок седой адат¹, как скалы
Сразу взорвать не лезья.
Нызя и купец, и хаджи,
и мулла—
Седому адату друзья.
Если бедник оскорбил мечеть—
Смельчаниа спогонит смерть.
Если женщина вырвет у мужа
плеть—
Поджидает женщину смерть.
Денники разбит,
И Врангель разбит,—
Не придут генералы назад.
Но не разбит лицемерный быт,
Генералов страшей лицемер-
ный адат.

Динамит и порох—
Большевицкий город.
Большевицкий город
Говорит горам:
— Вам года велят
Закопать адат,
По-советски замкнуть пора.
Дайте мне на выучку
своих сыновей,
Дайте мне на выучку
своих дочерей...

От гор далека,
Плывет Дон-река.
На степной простор
Вышел город Ростов,
А в городе том, у дожинок вод
„Красный Аксай“— завод.
Ингушетия
И Осетия,
Кабарда,
Чечня,
Карачай
Посылают детей—
Сыновей,
Дочерей—
Работать на „Красный Аксай“.

Ехидный сивозняк продувает
цех—
дверью дорогу прикрой ему,
И вместо работы—
будто на смех
сивозняк сторожить
Посадили Кялову.
Она бежала из гор на завод,
чтоб новой жизни учиться,
но, вместо станка, Кялову идет
Холодной палатой—больница...
В металло-модельном брань,
что ни шаг,
Краснеют от ругани стены:
— Сивное ухю.
— Горский ишак.
Хулиганы травят нацменов.
„Я по уху—раз...
Повалил его извезь—
На ять разуирасил маску
его“...—
Расхвастался Юрченко,
Хвастает Князев,
Как били они Товасиева.
Денники разбит,
И Врангель разбит,
Не придут генералы назад.
Но не разбит лицемерный быт—
Дериниморы в душонках сидят.
„Красный Аксай“,
Где твои слова?
Почему потемнело твое лицо,
Разве не ты обещанье давал
Из нацменов новать бойцов!

Слушай— шепчут мулак и мулла:
„Велик и вселилен мудрый
адлах“.
Это ты им помог охранить адат—
Недаром стыдом твои цени
горит.
...Бура призывами гневными
машет,
Бура на приступ цеха зовет,
Бура крепчает ветром
Сельмаша,
С бурей вместе встает Лензавод.
Запомни фамилии:
Юрченко,

Князев—
Сердце пробей им гвоздями
стиха.
Мня рабочих забрызгали
грязью.
Прочь из завода!
Прочь от станка!
Пусть над рабочим Ростовом-
городом
Слова, как снаряды взрываются,
гудят:
— Красноаксайцы, позор держи-
мордан!
— Красноаксайцы, угробил адат!

В типографии Центрального издательства народов СССР. На снимках: набор книг для национальных республик

* В стихотворении описан действительно существующий завод, известный также как Ростовский завод „Красный Аксай“.

¹ Адат—старые обычаи.

Сибирский бай

Из очерков в Кузбассе
Евг. Бермонт

Семенов нужными людьми. Нет инженера, нет техника, нет квалифицированных служащих, нет рядовых рабочих. Кое-кто хотел бы уехать на Барассе, но их не отпускают профессиональные и партийные организации, ослушавшие интересы своей горюющей конюшни. Вот Семён Александрович и прискакал добиваться всего этого, дав честное слово рудничным товарищам, что не вернется без шестера, без 80 полушубков, без разрешения на телеграфную линию, без бухгалтер, без механика.

Целый день воевал Семенов. Домой он выехал ночью, чтобы не терять рабочих минут. Было пятьдесят градусов мороза. Полпути он прошел пешком. Утром мы встретились в Барассе; длинные сосульки, свисавшие с усов, делавшие его похожим на бородатого цыгана, были тронуты коринфскими пятнами легкого обмороживания.

Живет Семенов в конторе. Все столы, стулья, даже мало-мальски просторные ящики там заселены административно-техническим персоналом. В маленькой парадной проходной комнате стоит семоноская складная кровать. На стене оружие и портрет Ленина. Геологический сборник, два неразрезанных переводных романа и стенографический отчет XVI партийного съезда лежат на подоконнике. В углу свисает люлька номер 474.

Железная печь, размерами немного уступающая варганке и благодаря хитроумной конструкции обогревающая все комнаты конторы, поживает дрова целыми саженьми. К ее горючему плечу жалеет прудогородный снег. Он плавит чаш, пьет варганку шумно, не переставая ни на одну секунду доказывать о всех керомовско-цедковских собианях.

— Понимаете, нам прислали теплую одежду, а шеголовский углясбак перехватил и спрятал на свои склады. Я туда пойти не знаем, ведь не ведаем. Вот арестовали А керомовых, даром, что мои бывшие сотрудники, думаете—лучше? У них на центральной шахте семь процентов лишних рабочих. Я к ним, прошу отпустить к нам часть. Не можем, вы,—вот сукин сын горючий.— Не включили в штат лишние рабочие силы.

Я отключаю на минуту в соседнюю комнату, а вернувшись, уже не слышу Семенова.

— Где Семён Александрович?

— Касир смеется.

— Спросите у медведя. Теперь лодыги тигра в джунглях. Пошел в тайгу, не скоро поймашь.

Непоседливый директор рыщет там целыми сутками. С месторождения на месторождение носит его косматая взлорощенная лошадка, зарплатная в летние месяцы есаки. Бременами Семенов, привлазев к дереву, углубляется в чащу. Он ищет строительные материалы. Он серьезно утверждает, что в тайге можно раздобыть все, кроме технического оборудования и телеграфной проволоки.

Летом им, в подтверждение своей теории, был найден великолепный серый камнет дыбак, крепостью не уступающий граниту. На скоро была создана камелюнка. Заступы энергично заработали. Быстро повыворачивали целые валы камелюнок, буровая установка строительно-техническое сооружение мостов.

Я выхожу из конторы. Странный, прекрасный своими контрастами вид. Черно-зеленая тайга, деревья, верхушки которых, кажется, скребут облака. Длинный, мрачный пейзаж— тут же жалея орудов, буровая установка и овраги, сыпав над ней дым, какой-то тяжелый котел в сугробе, бременчатые рабочие казармы, красный флаг над столовой, смех комсомольцев, идущих с топором на дровяной субботник.

Мирная картина мирного труда. Кучер запрягает в санни колесо мерина, ругая его прохлостом и тыча кулаком в покорную морду, сегодню принес Семенову на подписку бумаги, кооперативный приказчик спорится с вочком, побиившим бутылку, пекать в мучных лепешках трупцы мешки, баба в высоких валенках несет на коромыслах ведро с водой, громко крича:

— Клашка! Клашка... У Николая Миколовничу лепука погидает. А то застудили старика...

Чтобы создать все это, пришлось сначала пробить ссуда дровью. Веками укрепля-

Каждали в Барассе первый выход на поверхность сарапеловых углей.

Так возник Барзасский рудник.

Шесть месторождений было открыто в короткий срок. Честно, расквашив еще одного углетого тайника принадлежит тому же Ористову—в восьмидесяти километрах от первой своей находки им обнаружена новая сарапеловая жила. Уже когда начались строительные работы, женщины, стирая белье в речке, наткнулись на большие сарапеловые гнезда—заболельная шахта получила название «Бабель».

Каждый месяц, каждую неделю кто-нибудь, часто после долгов поисков, а часто совершенно случайно, находил очередное угольное месторождение. По самым скромным, а иногда и далеко не окончательным подсчетам, запасы барзасских сарапеловов равны двадцати миллиардам тонн.

Все это я узнал перед поездкой в Барзасс.

Узкая таежная дорога. Глубокий снег. Еле навстречу попадаются санки, разбрызгавшие грязь, выходящие дождик, худой торгок, комочивающий, чья груда тельеж, чьи кони выносившей, чья кошева надежной, чьи вожаки крепче.

Дорога одорообразна и скучна. Вот наконец показалась речка, заваленная сугробами, обделенный мост и в горах несколько домов, уходящих в белую завесу дыма. Оттуда доносится мерное, как тикание часов, дыхание мотора.

Ористова в Барассе я не застал, так как он уехал для научного доклада в Ленинград. Геологические и горные работы имеют теперь одно руководство. Начальствует над всем рудничным строительством Семён Александрович Семенов, являющийся собой образец стойкости, энергии, жизнестойкости и хозяйственной сметки.

Член партии, давнишний уральский горный рабочий, он в этой суровой джеклонодоновской обстановке, где не годятся обычные методы хозяйствования и управления, оказался на месте, как никто. С исключительным дружелюбием, с уважением, в котором проглядывает нотка неподдельного восхищения, относится к нему и рабочие, и служащие, и геологи, и угромые, тут же на почет такжанин.

Возьмите любого джеклонодоновского героя, орудующего где-нибудь на Клонидзие, герот, так волнованного юнонские наши мечты и казавшегося прекрасным жизненным образцом,—прибавьте к его качествам, как силе воли, настойчивости, целеустремленности, личной отваге и диковинной выносливости политическую сознательность, экономически-хозяйственную зоркость, умение отстаивать свое дело в рудничной, или на заседании райкома, усное представление, ради чего нужно победить тайгу, свернуть ее в бараний рог,—получите Семёна Александровича Семенова, замечательного барзасского директора.

Толстый том, а не скромный размерами очерк потребен, чтобы дать полное описание жизни и дел этого человека.

С Семёном Александровичем мы познакомились еще в Кермеве. Я сидел в кабинете главного инженера рудоуправления Гривина. Сам Гривин отсутствовал. Неожиданно в комнату вошла фигура в необычном косматом тулупе. Рыжие усы и худое небритое лицо торчали из мехового воротника.

— Где хозяин?—спросил он, шумно усевшись на стул.

В этот день многие шеголовские и кермовские запрыжки подверглись крепкому натиску барзасского директора. Он добывая зряпую амундацию своему отряду, буквально выривая полушубки и штаны у жадных прижимистых углясбаков бюрократов.

Лет пятнадцать назад геологи нашли в реке Томь кусок чрезвычайно странного угля. Он состоял из черных тонких пластинок, крупин, как вафель, и очень легко воспламеняющихся: достаточно было поднести зажженную спичку, чтобы они загорелись, точно бумага.

Уголь назвали «томитом», отнесли его к семейству сарапеловых, к семейству, пародителем которого считается не древесина, как у Обидковенных углей, а каменный водород. Дальше этой научной классификации дело не двинулось, а посему любопытная находка благополучно осела в какой-то университетской коллекции.

Только в 1928 году вспомнили о томите. Найдяли тщательные геологические разведки в том районе, где когда-то был найден сарапелит. Однако нужных результатов они не дали. Тогда геологи, решив, что странной этот уголь занесен в Томь водами какой-нибудь таежной речки, перенесли поиски в тайгу.

Первой экспедицией руководил профессор Кумпан. Неудачный этот ученик все лето провел в тайге. Скоро ему удалось напасть на след так безуспешно разискываемого сарапелита. Отохнув, прогнав вьюги, он выехал за веревку в самые укромные таежные уголки, рассказали геологу, что по течению глухой и сердитой речкини Барассе, порой совершенно зарывающейся в горы гниющего валезника, встречаются нефтяные озера.

Нефтяные озера, — таежные подобности есть питающие их плывцы. Кумпан свернул к Барзассу. Исследуя его воды, он обнаружил в разных местах куски все тех же черных, слоистых, странных углей. Стало понятно, что месторождение их где-то здесь. Но где? Геологические охотники раздвинули след запертой на сарапеловые воды его берлога, т.е. самое для них важное, осталось попрежнему неизвестным.

В 1929 году профессора Кумпана сменил другой геолог—Василий Александрович Ористов. Теперь его физическая сила и энергия влились в журнал, а к личности энергичного ученого проявляют интерес не только в научных кругах. Но это теперь. Тогда же на Василия Александровича обратили внимание только старые таежники, удивленные тем, что встречаются на самых рискованных тропинках, в самых опасных уголках человека в необычайной для этих мест одежде с кожаной сумкой, вооруженного двухстволкой и геологическим молотком.

Ористова они принимали за легкомысленного болтуна, за асинградского чудака, ищащего острых впечатлений, и предупреждали, что его оружие—молоток и охотничье ружье—окажется совершенно бесполезным, когда он столкнется со сварливым медведем или кошкой сверху на него свалится свирепая собака. Бродит тут еще рысь, которая, правда, людей не трогает, но перекрестит горло спящему и беспомощному человеку, чтобы испить немножко крови, совсем не прочь. Есть тут и волный набор змей, не отличающийся вегетарианскими наклонностями и питающийся абсолютно никакого уважения к чужеземцам.

Ористов поспеивался, выслушавшая строгие советы таежников, дружелюбно раскуривал с ними табак, вынимал их наставления, как извиняться от мучительной необходимости конторы и продавая свое дело. Медленно обходя геолог тайгу, внимательно, как врач, выстукая почву динным острым молотком.

Уже наступила сложная пронывающая осень, сентябрь досаждала разведчикам, лесные доречи превращались в топь, раскаты стали холодными, дующий по утрам стеклянели под тонким, как папирозная бумага, ледком, с осни облетая лист, хвоя темнела, когда в знаменательные отные даты—26 сентября—Ористов отбыл при впадении реки

лась тайга. Дерево падало на дерево, между ними прорастали кусты, ветви их сплывались, отмиравшие превращались в клочья, рвущий коух сухой валежник. Лесная чаща казалась неприступной.

Но только казалась. Ее одолели. Одолео человек. Человек наступил вооруженной хоптой и топором, сильный своим сознанием, своей волей к победе. Стране нужен сапропеллит—страна сапропеллит получит!

Семенов, как полководец, шел вперед, личным примером заражая рабочих. Не один раз пласть повисало на нем жалким комочком. Комары бешено обстреливали тайгу. Им помогала мелчайшая, микроскопическая, но назойливая мошкара. На пути наступающего отряда ложилась коварная свежезеленая топь. Открытые болота приходили ей на помощь.

Сопровождение было напружинено. Путь к сапропеллиту расчищен, пни выкорчеваны, сапла, накопавшие столетиями, убраны. По новой дороге прошли артели лесорубов, следом потянулись обозы, которые везли все, что было необходимо для закладки рудничного фундамента.

Пришла зима. Площадка, намеченная для строительства, была старательно замешана буровым, замешана сверху ледяным замком морозом. Надежные пилышер зашнуровали земляк. Сковырнуть его являлось первым заданием строителей Варасского сапропеллитового рудника.

Они поселились в трех километрах от стройки на пельские Аполониича, старого пасечника, сорок лет едущего в тайге. Каждое утро странная процессия двигалась по узкой дорожке. Впереди шел Семен Александрович Семенов, держа в одной руке клеенчатый портфель, в другой—суховую палку; следом за ним плелся касир, мрачный и помятый с толстым носом, торжественно нес в охапке всю канцелярию строительства, затем уже тянулась рабочая колонна, вооруженная заступами. Шестие замыкала рыжая лошадица, с трудом тащищая по сугробам кошку, где были сложены инструменты и необходимый инвентарь.

Снежный пласт в три метра был снят. Тогда уже приступили к строительным работам, в первую очередь возведя несколько жилых построек.

Соселился я в домике, где обитали Орисов и коллектор Пельгорский. Спали мы в медвежьих мешках. Восемнадцатиградусный мороз бродил по комнате. Железная пелурка покраснела от натуги, но подогнать кверху термометровый столбик не мога, сколько мы ее ни пичкали растопленным полевным дров.

Утром Николай Николаевич Пельгорский бережно вытаскивает свою коллекцию барасских сапропеллитов. Он ставит на стол тяжелый ящик и ревниво следит за моими движениями, как будто и собираю хрустальный фарфор, а не увесистые, многоколотражные угли.

— Дайте лучше, я сам вам покажу,—спохватывается старик, когда на мой ладони оказывается минерал очень любопытной формы.

Он, видимо, серьезно опасается, что неосторожные руки лишат его какого-нибудь ценного экзemplара.

Сейчас на всех месторождениях идут буровые работы, пробиваются шурфы, кое-где уже проходят штольни. Есть проекты заложить шахту промышленного значения, чтобы приступить к созданию сапропеллитового фонда.

Четырнадцать глубоких скважин дают возможность определить, как и где залегают сапропеллиты. Горный профиль скоро будет составлен. В среднем—пласты лежат на глубине двадцати пяти метров, глубине очень небольшой и весьма удобной для разработок, толщина же их достигает двух с половиной метров. Но это в среднем,—попадает угли и на десяти- и на пятидесятиметровых глубинах.

Николай Николаевич впряме тревожно держать бороду и беспокойно топать, как обращаются с его добром. Коллекцию он собрал замечательную, несомненно! единственную в СССР. Барасские сапропеллиты представлены здесь во всем своем великолепном многообразии. Вот, например, рогожка, которую можно без труда разобрать на отдельные угольные ленточки. Вот тяжелые, ровные, будто отштампованные на станке, плиты. Вот уголь со второго месторождения, резко отличный от своих собратьев—массивный, слоистой черной камени, раскалывающийся по трещинам. Если его хорошо смачать, то на поверхности выступает, точно

на лбу измученного человека, медные капли испарины.

В мае, в этой черной испарине, все величайшая ценность барасских углей. Сапропеллит—это твердая нефть. Там, в земле, происходят какие-то процессы, вследствие чего нефть не приняла свой обычный жидкий вид и не равновесилась фонтаном наверх, а залегла в недрах черными рогожками.

Пельгорский берет уголь и подносит к нему зажженную спичку. Золотой коготный язычок ползет по ленточке, роняя на стол черные капли сажи. Я довольно легкое се хлопья и растроило между пальцем. Сажа жирна, похожа на ту, которую даст керосин, которой обильно снабжают ходяк примусы.

Барасские сапропеллиты долгое время рассылались в лаборатории Москвы, Ленинграда, Харькова, Новосибирска, Томска и другим крупным ученым. Все анализы и научные заключения, сделанные в результате многих опытов, доказывают, что новая твердая сибирская нефть содержит до восьмидесяти процентов полезных продуктов, главным образом бензина и моторного масла.

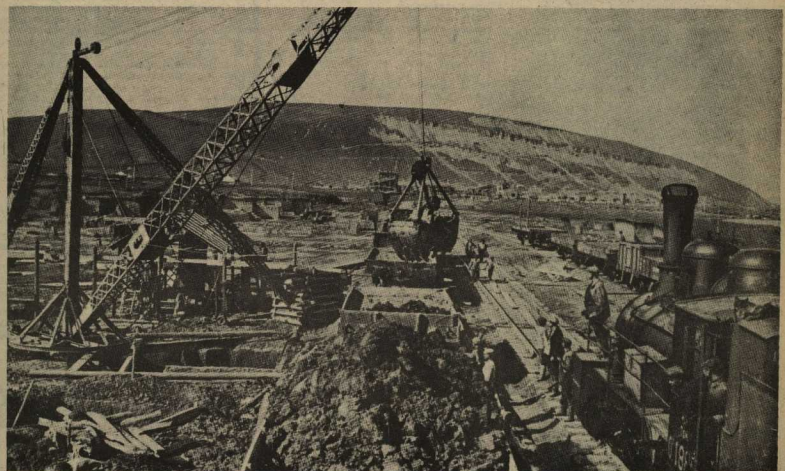
— Да, вот так штука,—улыбается в бороду Пельгорский, беря одну из сапропеллитных ленточек и кладя ее на лист газеты. Потом он хватает молоток и сильно козлит по уголю тулуп его концом. Жирное пятно расплывается на бумаге.

Я смотрю в окошко. Недвижно стоят сосны. Глушь. Тишина. А ведь скоро конец всей этой медвежьей тоске. Великая будущность таежного Барасса, почетное место займет он в индустриализированной Сибири.

Барасс станет, должен стать сибирским Баку. Шахты и штольни займут окрестность по крайней мере в сто километров. Верхушки сосен заменятся верхушками труб перерогонных заводов. Аполониич, складывая угля и убирая лес-волосяк! Твои пчелы подухот от дыма! Россомахи и рыси, сметывайтесь, а то вас подавят автомобили! Птицы, берите курс на восток—местное свое, залетаетесь в той телеграфно-телефонно-застраховочной сети, которую слелугут тут люди за год.

Эти черные угольные ленточки, спокойно лежащие сейчас в ящике коллектора, будут источником, питающим бензином и моторным маслом растущую, крепнущую, муждающую индустрию Урало-Кузнецкого комбината.

Мушкетерский. Работы на территории изуродованной шахты

разоблачение пацона

М. НАСИВОН

Невзвеса, с чего это началось, но Опанас Самоколюсенко выступила с обязательной речью по адресу самого Уинстона Черчилля.

«Вся штука в том, что до сих пор определяли англичане: действительно ли разобщены оба эти противника в своих уставах, или же они вовсе не расходились;

действительно ли с озлоблением и паникой встретил Уинстон Черчилль разоблаченного Опанаса, или наоборот—он тихо возрадовался;

именалась ли комсомольская ячейка в эту политическую дискуссию между Опанасом и Уинстоном, и вносила ли она ясность в этот спор.

Можешь себе представить, читатель, какой шум в международном масштабе вызвало установление в колхозе судейской опалы труда. Казалось бы, серая будничная мелкая тема. За уточнить правила внутреннего распорядка в выше-колхозном колхозе на Украине. Казалось бы, материал для отряда легкой кавалерии или для горячей передовой в районной газете. Но это не так! Оказалось, что английской флотии и десантский защитник Черчилль в высшей степени заинтересованы в сдельщины в советском колхозе. Оказывается, мрачная тоска грезит по этому поводу его набобешенное сердце. Тут уже не рабочие масштабы: тут в дело вступают мировые министры; над судьбой колхозной сдельщины закружились полковники, приговорились адмиралы.

За много тысяч километров, за морями и океанами, в светлом городе Ливерпуле, на двадцатом этаже, в Морском клубе выступил англичанин Черчилль и сказал такое:

«Провести равенство людей не удастся даже фанатическому большевику. Достаточно ознакомиться с подробностями внутреннего распределения в их коллективных фермах (т. е. в колхозах... М. К.), чтобы оказалось, что ни о каком равенстве нет и речи, а если установить на интенсивную эксплуатацию людей черт, следую...»

За самыми мелкими вопросами, за самыми скучными деталями нашего дела следят с напряженным вниманием полковники и министры,—на это стоило бы остановиться, но, сожалею, у меня мало времени,—мы слышим на основе собрание выше-колхозного колхоза «Заря», на котором сейчас выступает комсомолец Опанас Самоколюсенко. Он выходит на скрипящую сцену неуверенным шагом, и робко кашляет, говорит:

— На сегодняшний день, товарищи колхозники, много всяческих тяжелых обязанностей накладывают на нас, а когда будет этому конец—я не знаю. Требуют от нас и учета труда, и дисциплины, и сушка, ребята, и топки, и трактора, например, требуют от нас установления сдельщины. Мы хотим равенства, хотим коммунизма, мы за это горькую бьются. Это только Чемерберны и Черчилля кажутся никак-нибудь идут против равенства, и комсомольцы же, нет, говорят нам правнечки,—мы ерундисты, ребята, нас попутал чорт, а какой и какой-нибудь невывесленный кулак... Как так ерундисты? Сами вы ерундисты! Черчилль никак-нибудь обрывает вашей эрудиции. Я же, может, равенства хочу, что вы со своей сдельщины лезете? Долой сдельщину!..

Весной на селе лают громче обычного зной, и ветер, как ему полагается по поговорье, этот лай уносит. Весной, к северу, к колхозному приливу сильней обычного разгорается пламя разговорничок где-нибудь в укромном месте, в слышной тиши колхозного амбара.

— Работаше, хе-хе, Опанас!—спрашивает человек, которому опоздали, должно быть, приехать повестку о выселении.

— Работашо...

— А на кого ты работаше, Опанас, хе-хе? Где же твои равенство? Где же твой призывная коммунистическая жизнь?

— Не знаю...

— Сдельщину на тебя ввели, Опанас, жилушки твои наматывают на палец... Обмудил тебя, не дали тебе равенства... Вот у меня

хлеб выкопал из-под клуны... А кому он в яме, хлеб-то, мешал? Лежал себе тихонько, никого не трогал... У-у, расстреляйте...

Тонка паутина невывесленного человека, и уже не просто комсомолец. Самоколюсенко горючится на возвышении на «общеколхозном собрании»,—это кричит прогудышк, лодыр и дезертир, обработанный нашим смертельным врагом. Сдельщину громит парень, о котором упремо говорят черт-доска.

— Самоколюсенко. Прогуляя 5 часов.

— Самоколюсенко. Опять прогулял 6 часов.

— Он же. Совсем не вышел на работу.

А клунышко на его доловку идет в той же порции. Он за равенство!

Шагнели по ячейкам сельским свежапахущие листья газетные,—на Съезде советов говорили о колхозных делах, пламенных подвигах и направились. Читал ли ты, Самоколюсенко, речь Яковлева на VI Съезде? А много ребята в деревне читали эти широкие листы, и они знают, что значит слово «смех» в скобках:

«В колхозе «Путь к социализму» возчик воды до сдельщиной опалы... Когда перешли к сдельщине, тот же возчик воды на той же лошади стал возить 14 бочек» (смех).

Но это еще не самое смешное:

«Лучше колхозники работали до упору, а другие совсем не работали. Зато, когда пришло время делить хлеб, бросились все. Каждому выдали на душу по 18 пудов, при чем счет пошел и на те души, которые еще не родились, но, по воображениям правления колхоза, которые были родиться» (смех).

Кому надо, тот не знает.

«Кулак ходит и ехидно поменьсает. Он говорит тому, кто много работает: «Работа дураков любит; чего зря работать, все равно больше не получишь. Не работай, кто работает, он же говорит: «Его работать, что зря силы тратит, ведь все равно ты свое получишь» (смех).

А что получается?

«На деле деже поровну по душам и едокам означает глубочайшее неравенство. Хорошо теперь, весной, на полях в деже по душам, работающий не получает своей настоящей доли, которую заслуживает, а рван жист за счет чужого труда.»

Грустно становится за морями и океанами, в городе Ливерпуле, после таких разъяснений.

Что же ты держишься на «выжидательных позициях», выше-колхозная комсомольская ячейка? Ушло время тихих протоколов, благодушных и терпеливых прений. Буригт вокруг, со скрежетом и звоном ломаются одни основы и встают другие. Не зря же за океанами станут интересоваться состоянием учета в колхозе,—там люди дая, они ирнуками никогда не оставались, и не оставятся, а дая преле: «обязанности». От выше-колхозной ячейки многое будет зависеть в этой истории: от нее зависит, чтобы заморские наблюдатели потеряли в колхозе своего союзника.

Хорошо теперь, весной, на полях в деревне: чинкают боробби, прилетает солнышко, морозка вылет за ручейком, и до чего уютно летать на спине некоторым комсомольцам и мечтать о скором социализме! Так я уснул бы, но где-то недалеко кричат люди и гремит тракторы, дрова от направились. Была когда-то хороший писатель Гоголь, и хорошо написал он о чубатом казаке Пацюке. Пацюк тоже лежал на спине и ждал, когда в рот к нему сами посылятся вареники, да не просто вареники, а со сметаной.

Но невольно сейчас Пацюком.

Не любит социализм Пацюком. Наши будни и наши влюбленные распридаж означают окончательное искоренение из всех щелей чубаты Пацюком. И поэтому выражает свое возмущение Уинстону Черчиллю, защитнику: когда—бравого генерала Деникина, тогда—молодых колхозных Пацюком.

путевка к чортовой оборудке

Юрий Жуков

Международный экспресс, начиненный иностранными консультатами, консулами и просто званиями, разматывающими жизнь на километры безоблачных будничаний по свету, впервые вылетел с лично одобренными советскими деловыми людьми, едущими за границу, возвращающимися из-за границы.

Экспорт, импорт, валюта, оборудование, заказы—разрывают в клочки тухлую сошь ошаледело от скуки полустанка № 155.

Экспресс останавливается на пять минут, чтобы напоить ложащегося от жирной копоти, заныкающего железного кода. Для Кати Вострениной эти пять минут неюдиною дорожке трех томительных дней, которыми разжижена глупая, односторонняя жизнь в промужатка между приходом и уходом поездов.

Забю кутаться в заштопанную шаль, она медленно-медленно идет вдоль перрона, а заодно слушает взлядом зеркальные стекла и дубовую обшивку международных вагонов, и, приуравив глаза, вспоминает прочитанные в книгах рассказы о далеких сказочно красивых столицах, в которых поседзвартя будут запросто разгуливать смельчачики из этих салонов...

... Это—странность. Над этой странностью Кати Вострениной смеется на селе все молодежь. И Кате очень обидно. Когда зубастые пареняки закидывают ей вопросы о том, не нищет ли она в экспрессах заезжих гостей и не думает ли ударить за границу, Кате краснеет и, отворачиваясь, быстро-быстро семинет в свою каморку, где можно укрыться от грубой и напористой браться.

Кати Востренина—искусный мастер. Ей поручили ответственнейшую работу—шафлеку человеческих мозгов. Кати Востренина—командир учебной бригады бойких и зубастых юндюров—учительница сельской школы.

В тот вечер в одея у Кати годно, Сидя молча она ходила по комнате и говорила, говорила без конца, стараясь излить все набобешенное, о чем хочется кричать громко-громко, на весь мир. Она силно волновалась. Битые щеки ее разгорелись, глаза алхородно багстели, и вся она была вопопощением напряженности.

Она говорила о полюбившей молодости, о том, как противно ей сельское болото, засыпанное людьми и тину обывательщины, об увядании девушки, обреченной на прозябанье в этом болоте, о небывших мечтах насчет красивой и содержательной жизни, о разбитых надеждах и горьких разочарованиях.

... Там, в ИНО, на проходах выпискуном выступал ректор. Как много говорила он о колоссальной роли на селе молодого мастера культурной революции, о силе слова, кото-

рая во много раз превышает силу испытаннейшего парашюта. Блуждающая спускалась заплывшими в динамитные погреб старей кулацкой деревни с ярко горящим факелом пропаганды. Умелый запальщик—неискомое пополнение для бедного кадрами села.

И Катя выбрала путь самоотверженного запальщика.

Она шла в село добровольно. Она шла сюда, чтобы отдать все силы, всю свою жизнь, все знания и способности делу культурной революции. И... о, как больно сознавать необходимость принесенной жертвы, чувствовать, что твои мучения и подвиги не возложены на жертвенный алтарь,—нет, попросту отправлены на склад утильсырья с занеской о том, что их используют по мере надобности.

Катя оскорблена, огорчена и расстроена. Она не может примириться с тем, что ее так холодно, по-казенному встретили в селе. Ей больно ощущать вокруг себя высочай и юный частоту всеобщего равнодушия. Ей тяжело, ей очень душно в одиночной камере индивидуализма и она не может найти из нее выхода.

Сашка Сигов—курносый выхристый паренек, энтузиаст колхозного свиноводства, в котором он воспитывает маленьких поросят и потешных поросят, пришедших от дилеммовированных родителей—поведал мне вчера вечером ту же историю в перелицованном виде. Он, беспрестанно отплываясь скривив зубы, долго и забористо ругал оружие организации, органы систематически срывают работу в Востюницах, присылает заведомо негодных работников. В кооператив, товари, расстранича из Колобок прислали, в совете этот говорит Савельев сидит,—из райисполкома за вилки выкинули... Житья нет. А тут еще эта маляховщина навзвась. Возись с ней. «Ах, дайте нагару, ох, помогите найти интересную работу». И Сигов вынырнул один за другим десяток аргументов, которые вдребезги уничтожили картонные домики оид оскорбившей Катю: от животного доводского кружка отказалась. Раз. На субботник по выловке бурака не пошла. Два. На раскулачивание не ходила,—нервы, го-

воршше, тонки. Кишка тома... Три. На обранья, когда баба из-за пердела земли волынная, не выступила. Четыре... Ей филигмином на тертой бузе разводите—это да... Сигов разгорячился: такая гнида. Поддай-прими ей нагаруочку. Да чтоб с кандибобочко, да чтоб хлелем случайно не запахло. Чо-нибудь около полтинки такого эталого... А чя не взяла б ты пуэвку к чертовой бабушке...

Мне было по-человечески жалко умученную сомянница Катю. И я долго толковала с нею, говорила ей о том, что героика ужасно красивей баррикадной войны давно сдана в эксплоатацию поэтам, что она должна, если только ей и на самом деле хочется быть рядовым солдатом действующей армии социализма, свить лавовые перчатки романтики и, напутья спнекодая, пойти в сорювину, а хлев, уродить колхозных ребят как разводите поросятных поросят.

Катя, по-ребячески надув губки, внимательно слушала мои рассуждения. Обещала исправиться и взяться за работу. А когда я поднялась, чтобы уйти, она на прощание попросила меня купить в городе последние романы Оливии Уэлдси и прислать их наложенным платежом.

Перегруженные огромными историческими событиями время в наши дни не поддается учету. Пятнадцатки уносится в вечность с быстротой курьерских поездов. Музыре ли, что в декабре я уже успел заехать в Востюницы, и поустанок № 195, и трагическую девушку в штанном платье.

Напоиня мне о них все тот же курносый энтузиаст Сигов, который приседал в стодилу хлопотать о закупке в Динию породистого хрюка для колхоза. Он не преминул забегать в редакцию, чтобы заручиться поддержкой печати. Разговорились мы, и я вспомнил ту лампентную ночь, когда я выслушал горячую исповедь Катю Востревой.

—Ты говоришь—исправится. А что вышло? Срамта одна. Весь колхоз опозорила и сама утробилась. Как ухала ты,—она вроде поиндела малость. Пришла в ячешку, взяла на-

пугруку, стала баб ужу-разуу учить. На обранья кое-когда выскочит, то-се... А потом как сорвалось—и пошло... Серезка Степановна, чай, поминишь. Секретарь наш. Так вот, чорт его дернула за нел приуидривать.

И пошло. Разговора там всякая прогуляночка... Заниски шипут, она ему спитки сочиняет,—форменные идиоты. Тут верны горячее—свят надо, кулаче народ сбивает, никто в поле ехать не хочет, а у нас секретарь вылами... Словом, дело короткое: растера, ись братята, что делать—не знае. Скажу в райком за помощью, а в райкоме работников тоже жог напалак: все в разгоне, на посеве.

Пришлось самим крутить. Провел по кулакам собрания, вышарила на пару недель трактор с МТС, четыре кулацких запорковочников в доир отпарывали. Обеселись. Ну, а все-таки плана не дали. Так и занисано в сводке: на последнем месте в райкоме—Востюница.

Совсем погигать бы Серезка. Распландила братва—вилдо до исключения хотели ставить. Да случий его вырчули. Случай знаменитый...

И Васья пространно поведал мне таинственную историю, в которой я без труда разгадал обычную схему стандартного любовного переводного романа из той серии книг, которыми Катя старалась украсить свою личную экзотику и фантастия жуть.

Кольца почта обычно, кроме газет для читальни, ничего не приносила: народ васютинецкий на письма тут. А тут—вызволите: на день по два письма. Конечно, Катя Востревой. Писма—в сиреневых конвертках, пахучей. А однажды пришла посылка. Катя, увидев ее, заределась восхищением. На утро она сеголола в чудном новехоньком платье.

Серезка совсем повесела нос. С ним не считались, его третирами, и даже стиков свела она Серезке о том, что где-то далеко есть дорожка для нее существо, которое строает от страсти к ней, к Катю, но что она ждет, испытать а влудить его.

Свернуло Серезка в трубочку. Ходит—сам не свой. А тут она вдруг исчезла. Смыслась ночью из села. Радости середь братва сколько было. Наконец-то от маляховья избавились...

Васья, заканчивая, ухмылялся.

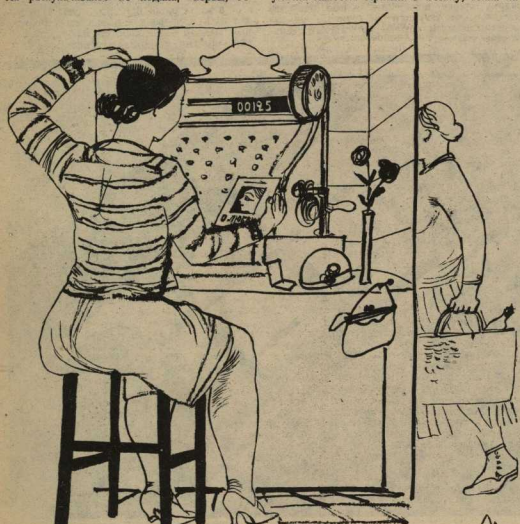
... Откасался след Катю совсем недавно. Стояя я в очереди у черабочной кассы. Вилку—лино у кассирши знакомое. Начал шешелать мозгами и примонил наивную мечтательницу, искавшую в селе любозных баррикад и не нашедшую своего поста.

Это была она. Бывшая сельская учительница Екатерина Востревова сидела накрашенная у кассы, минимально штемселевала чеки и в свободное время с жадностью проглатывала какой-то роман с яркой обложкой.

... Я ничего не знаю больше о ней. Но я готов рассказать вам эту историю в гарантии за абсолютную точность: она рада и счастлива, у нее муж—созидатель глаубов, порядочная библиотека заграничных романов и квартира из двух комнат с водопроводом, электрическим освещением и прислужкой. По вечерам она ходит в кино и восхищается голубокожими трюками летчиков и героини, попадающей поочередно в лапы то к тигру, то к льву. О Востюницах же она вспоминает лишь, как об ошибке зеленой юности...

Узкий дилеммизм индивидуализма, в котором заблудилась Катя, вывел ее к тихому очагу мешанкой семьи. От полнокровных людей, от кипучей жизни сегоднишкого дня она ушла к омертвевшим теням чуждого мира, мелькающим хоррором аэротических призраков по экранам кино. Букары она променяла на кассовую книгу, указку—на штемпель «уплачено».

Она искала в жизни чего-то необычайного, фантастического, не сумев разглядеть этой необычайности и замаскированных дилемм пилетки. И жизнь жестоко посмеялась над ней, стряхнув ее с себя в тухлое болото мешанского благополучия, как стряхивают мелчайшую пушинку, осевшую на рукав...

простая мысль

Вен. Шапиро

Ровно в семь часов человек заходит в цех и становится к станку. Он берет в руки пистол, бегом просматривает свой инструмент, еще раз всматривается в часы и начинает трудовой день.

В цех вошел мастер. Но его через двести минут зовут к телефону. Говорит редакция заводской печатной газеты.

— Алло! Нам нужен материал о работе вашего цеха за вчерашний день. Мы хотим организовать каждодневную проверку выполнения плановых заданий.

— Это бесспорно хорошо,—спокойным голосом отвечает мастер.—Больше того, это необходимо. Однако, сведения я вам не дам. К концу пятницы—пожалуйста.

И хотя телефон в чем-то настойчиво и горючо убеждает мастера,—это бесполезно. Мастер может быть, и хочет дать сведения, но не может.

А кому из нас неизвестны эти пятидневные и декадные сводки? Их очень-часто называют оперативными, но это только выражение беспомощности. Дать итог пяти дней—не очень трудно (но и то,—как его дать?), а вот ежедневно знать цифры качества и количества проделанной за 8 или 7 часов работы—куда трудней. Но именно в этом и заключается оперативность.

...Итак, человек ровно в семь утра встает у своего рабочего места. Возможно, что он ударник и комсомолец. За линию партии! За профинплан! За доведение планов до стаика! Против брака! Против простоев! Против повешения себестоимости!

Но человек спит. Он работает наоуцуп, не знает своего производственного «сроков» и не видит «автарк». Станок для него не друг, он—загадка. Он работает 7 или 8 часов и не будет знать, что сделал для страны, что страна от него сегодня получила и что потеряла.

Значит, у человека нет плана на каждый день. Станок не имеет паспорта,—он лишен прав гражданства. Цехкомитету не так-то

легко отметить лучшего ударника, потому что показатели «когда-то будут...», да и то «в общем и целом». Страдают все.

Это есть еще почти всюду. Было и на нижегородском станко-строительном заводе «Двигатель революции». И считалось вполне нормальным.

— Позвольте,—убеждала некоторые специалисты.—Вы забываете, что имеете дело с машиностроительной промышленностью. Вы не учитываете, с одной стороны, того момента, что от станка нельзя требовать точной работы по строфо рассчитанному плану. Вы недооцениваете, с другой стороны, того явления, что измерить точную производительность каждого станка при разной степени квалификации рабочих—невозможно. Вы переоцениваете, в итоге, свои собственные силы.

Так, с одной, другой и третьей стороны говорили старые и как будто опытные специалисты. С ним ожесточенно спорили революционеры производства — комсомольцы второго механического цеха.

Они выступили против обезличенного станка, создали ударную бригаду и во главе ее поставили комсомольца—инженера товарища Зайна.

Была выработана программа: сделать цех «Госпланом», выработать генплан каждому станку.

Комсомольцы брали в библиотеке, вместо Джека Лондона, разные «неинтересные» книги, вроде книги о внутризаводском планировании, что-то иногда записывали во время работы, а в итоге составили — план станка.

Раньше станок был универсальным... козлом отпущения. На одном и том же станке в один день мог делаться десяток самых различных друг от друга деталей. Не специализировался станок, не мог квалифицироваться рабочий.

Комсомольская бригада потребовала: к каждому станку прикрепить только одну-две детали. Для текущего же ремонта, по заводским нуждам специально выделить семь-восемь станков.

Раньше составлялась «рабочая карта» плана, которую рабочий не видел и в которой не учитывались ни брак, ни простои, ни производительность труда.

Комсомольская бригада потребовала: «рабочую карту» унчтожить, ввести карточку—«план станка».

Мысль была до гениальности простой. «План станка», составленный не только из количественных показателей, точно указывает, какая должна быть загрузка станка, себестоимость работы, ее качество. Вторая часть плана говорит о выполнении задания, а это обеспечивает точный учет выполнения задания, астренного профинплана и пр. При этом план рационализировать работу: он дал возможность свести до минимума простои и, естественно, явился огромным стимулом к повышению производительности труда. А для заводских изобретателей, выдумщиков и рационализаторов станок перестал быть загадкой, так как каждое колебание в темпе работы благодаря «плану станка» получило свое полное и исчерпывающее объяснение.

Предложение комсомольцев было настолько логически и производственно убедительно, что директор завода отдал приказ:

«С первого декабря ввести предложение комсомольцев по всему заводу и «план станка» разработать во всех цехах».

Второй механический цех, руководимый ударной комсомольской, шел вперед.

Вот показатели:

Ударно-механический цех — единственный цех, который полностью выполняет профинплан;

снизились простои, уменьшился брак, повысилась производительность труда, вырос заработок рабочих.

И теперь человек, заходя в семь утра в свой цех, не смотрит на станок, как на загадочного и непонятного недрату. Ударник перестал быть слепым. Он починил себе станок.

Во втором механическом «план станка» действует с ноября прошлого года.

В декабре он официально получил права гражданства по всему заводу.

А в марте орган ВЦСПС—газета «Труд»—дал наводку Сальману и всем станкостроительным заводам СССР перенять блестящий опыт комсомольцев «Двигателя революции».

Транспортировочный конвейерный вал в Горьковском ФУ

Завоевание

ТОПОК

Еф. Садовский

Стенная Украина, гористый Каказ,—эти эпитеты вы можете встретить в любом учебнике географии.

Если с такой меркой подходить к Советской Белоруссии, то полагалось бы писать—десято-богатейшая страна.

В одном учебнике географии, изданном совсем недавно, и попытались бы подойти с такой меркой к Белоруссии. Белотистая страна... А раз белотистая—значит забитая и несчастная. Автор учебника не подозревал... Прогрессивная общественность Советской Белоруссии сказала свое суровое слово по поводу подобной оценки.

Да, у нас много болот, но это—богатство страны. Торфяные болота—белорусский Донбасс.

В последние времена в Советской Белоруссии особенно много говорят о торфе, о разрешении торфяной проблемы.

«Превратим Белорусию в торфяной Донбасс,—это стало лозунгом дня. Лозунгом пятилетки, лозунгом жизненным, осуществимым».

Болота Белоруссии занимают 20 процентов всех пространств республики, или 38 проц. всей пахотной земли. Запасы торфа достигают 1 140 млн. тонн. В недрах Белоруссии лежит 480 миллионов тонн топлива.

Эти четыре цифры достаточно ярко характеризуют значение торфяных разработок для белорусской промышленности.

...Торф добывают на заводах. В прошлом году в основной хозяйственной организации, занимающейся этим делом,—в Белторфобъединении—настроилось 13 таких заводов.

Слово это может ввести в заблуждение. Завод,—следовательно, цехи, корпусы, трубы.

Ничего подобного.

Пространство завода—это километры обширных болотисто-торфяных пустошей, которые выжаты из почвы, чтобы получить возможность к ним добраться. «Цехи»—это отдельные, громадные машины, разбросанные по всем уголкам болотных полей.

«Цехи» под открытым небом, корпусов нет. Жизнь в таких заводах протекает только летом. В среднем 100 суток в году... Зимой, поздней осенью, ранней весной идет усиленная и тщательная подготовка к работе.

Заводы чаще всего в гауши. Но там, где они разбросаны, пробуждается шумная жизнь.

Замечательна судьба завода в Шабанах. Кругом леса и гауши. Железный путь далеко. Топь. Но, несмотря на это, Шабаны все больше и больше привлекают внимание исследователей. Экспедиция за экспедицией пробирается сюда.

Осушить эти водные пустыри, окруженные густыми лесами, значит—поднять тысячи тонн «черного угля». Шабаны позволяют строить Оснстрой—первую государственную сталинскую электрическую станцию.

Электрическая станция в 15 километрах отсюда. Действительно, большевистская энергия, большевистская воля нужны были для того, чтобы пробить сюда путь. Километр за километром укладывались железные рельсы по влажному пространству... С трудом, шаг за шагом, пробивался паровоз.

Жизнь на Шабановском заводе началась одновременно с первыми работами по закладке фундамента Оснстрой. День и ночь в летнее время буквально выпарывали большие высокие машины на болотистой земле торф.

Тысячи сезонников съехались на завод. Оснстрой еше не был пущен, а бесконечные составы неугольных паровозов уже перевезли на станцию Орехи свыше 15 000 тонн торфа.

Рубяблики на Осинской станции включен. Ярko запылали в громадных топках торф.

Запасы в Шабанах неисчерпаемы. Определяют на глаз—хватит на сто лет, но и это спорно. Во всяком случае, торфа здесь на много десятков лет. Километры кругом—болота, километры кругом—шахты с черным земляным рыхлым углем.

Торф открыл богатые возможности и для других мест Белоруссии. Возле Гомеля, в трех километрах от окраин города, залежи торфа позволили начать проектирование второй государственной электрической станции, которая по своей мощности будет значительно превосходить Оснстрой.

Пятилетка развития белорусской промышленности предусматривает постройку третьей станции в Пропойске, топкой которой также будут исключительно жить торфом.

Впрочем, торф имеет решающее значение не только для энергетического хозяйства БССР. ВЦХ Белоруссии приняла решение к концу пятилетки 90 проц. всех предприятий Белоруссии перевести на торфяное отопление.

Торф завоевал топки. Еще два-три года тому назад многие хозяйственники не хотели и слушать о нем:

— Давайте нам уголь или дрова, торфом топить не будем.

А теперь... Побудьте несколько часов в кабинетах штаба торфяной промышленности—Белторфобъединении, и вы увидите, как со всех сторон буквально осаждают:

— Откружите немедленно торф, иначе предприятие станет.

Да, торф завоевал топки.

В БССР сейчас перешли исключительно на отопление торфом—крупная могилевская фабрика искусственного шелка, громадный льно-

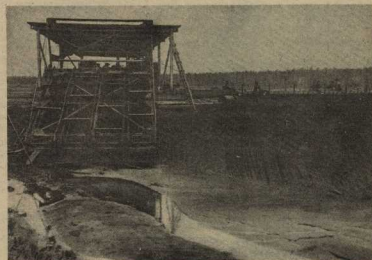
приядильный комбинат в Орше, выстроенный в прошлом году, Дубровенская мануфактурная фабрика, самое старое в Белоруссии текстильное предприятие, текстильная фабрика в Витебске и ряд электростанций. Пионером в этой области являлся минская станция. Она раньше других перешла на торфяное отопление.

Вот кратко о путях развития белорусской торфяной промышленности. В 1928/29 г. Белторф ведал только шестью заводами. Они выработали за этот год 37 000 тонн машинного торфа и 2 100 тонн резино торфа. В 1928/29 г. был первым годом действительного роста торфяного хозяйства. По сравнению с прошлыми годами—рост на сотни процентов.

Третий решающий год пятилетки является решающим и для белорусской торфяной промышленности. По предварительной намечке намечается выработать 900 000 тонн торфа.

Белорусская торфяная промышленность одна из первых откликнулась добывать торф новым, фрезерным способом, более дешевым и удобным. В этом году ряд крупных заводов переходит исключительно на фрезерный способ добычи торфа. В первую очередь, Шабановский завод. Добыча одной тонны торфа удешевляется таким путем на 6 рублей. Правда, сейчас нельзя полностью использовать этот метод из-за отсутствия необходимого количества машин. Но уже идет усиленная подготовка к тому, чтобы фрезерный способ добычи торфа стал основным, преобладающим.

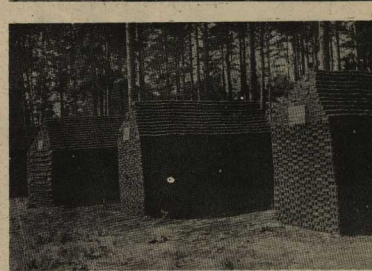
Перед белорусским комсомолом—шером энергетического хозяйства—стоят большие задачи в области борьбы за дешевый торф, за полное завоевание топков торфом.

Вагон для добычи торфа

На торфяных разработках

Гигантский фабричный завод торфа

отец и сын

юл. дашевский

Токарь Морозов соревнуется с сыном.

Тридцать лет старик у станка. Сжился с машиной, правки к ней и трудно ему без нее. Летом, получив месячный отпуск, Морозов пришел через три недели к начальнику цеха и попросил разрешения присутствовать к работе до срока.

Сегодня, когда по-обычному замочали машины и перестал реветь мотор, на высокой железной площадке задрожал звонок.

Мимо станков, разбрасывая блестящую стружку, потянулись рабочие на собрание. Морозов, расталкивая товарищей, пробрался к плите. Послышался голос:

— Иди, иди, Степаныч, без тебя начать не могут.

Маленький, в блестящем от масла костюме, Морозов с трудом взобрался на плиту.

Удивлялись рабочие. В первый раз они видели Степаныча с стола президенту. В цеху было тихо, и только со двора в открытые окна врвался гул доменных печей.

Морозов окинул взглядом рабочих. Еще утром он решил выступить на собрании. Это казалось делом простым и несложным.

Но вышло немного не так. Морозов почувствовал внутри себя что-то такое, чего раньше не было и что теперь мешало ему говорить.

Он растерялся. Потоптавшись на месте и взмахнув правой изуродованной рукой, он хрипло заговорил:

— Вы, конечно, знаете сына моего Василия. Так вот, я хочу вызвать его на соревнование... А потом добавил:— Он, ведь, тоже токарь...

Вот это так штука!—раздался чей-то удивленный возглас.

Морозов с трудом подбирает слова:

— Парень лентится... Не работает как следует.

— Надо подтянуть парня, подтянуть,—подхватили рабочие.

Старик остановился, тряхнул седой головой и отошел.

Рабочий день близился к концу.

Казалось, машины устали за день, и, как выступивший пот, блестит на черных корпусах масло.

Семнадцатилетний Василий согнулся над станком и подбескивающим крошечкулем измеряет диаметр болванки.

Резец, впинаясь в железо, лищит и бросает стружку, как будто выплевывает пережеванную пищу.

Вася любит этот рабочий шум. Но не всегда хочется стоять у станка. Иногда поворачивается желание побойаться с товарищем, и тогда останавливается станок и проходит Вася тогда, на тот край...

Случалось так нередко. Быть может, в разгаре работы и не замечал никто, но от отца ничего не ускользало.

— Погоди,—говорил отец,—вызову тебя на соревнование, тогда будешь работать по-настоящему.

Морозов свое обещание сдержал. И теперь стоит Вася у станка и ни на минуту неслая уют. Сперва даже сердился немного на отца, но потом, ставши центром внимания цеха, охваченный желанием победить, работал аккуратно и быстро.

Еще целый час до конца, а у станка уже намного больше вчерашнего белых, блестящих винтов.

Включает Вася самоход, а сам поглядывает в отцовскую струю. Степаныч затачивает резец и, возвращаясь к машине, снова погружается в работу. Одна за другой ложатся на пол обоченные болванки.

— Пожалуй, за ним не угнаться,—думает Вася, а все же сделал больше, чем вчера раза в полтора.

Проткнул и хрипло в открытые окна ворвался последний гул. Вася подошел к отцу. Возле станка лежат готовые детали: их гораздо больше, чем у Васи.

— Пойдем, отец, что ли.

— Иди, иди, скоро приму.

Усмехается старик и всею грядит на удаляющегося сына.

Тышина в цехе. Только в противоположном углу работает третья емена на больших станках.

Старик Морозов нагибается, и в сторону Васиного станка летят несколько готовых винтов.

Третий гулчек через десять минут.

Вася, нагнувшись, подсчитывает сделанное за вчерашний день. Усмехается старик и всею грядит на удаляющегося сына.

Тышина в цехе. Только в противоположном углу работает третья емена на больших станках.

Старик Морозов нагибается, и в сторону Васиного станка летят несколько готовых винтов.

Третий гулчек через десять минут.

Вася, нагнувшись, подсчитывает сделанное за вчерашний день. Усмехается старик и всею грядит на удаляющегося сына.

Тышина в цехе. Только в противоположном углу работает третья емена на больших станках.

Старик Морозов нагибается, и в сторону Васиного станка летят несколько готовых винтов.

Третий гулчек через десять минут.

Вася, нагнувшись, подсчитывает сделанное за вчерашний день. Усмехается старик и всею грядит на удаляющегося сына.

Тышина в цехе. Только в противоположном углу работает третья емена на больших станках.

Старик Морозов нагибается, и в сторону Васиного станка летят несколько готовых винтов.

Третий гулчек через десять минут.

Вася, нагнувшись, подсчитывает сделанное за вчерашний день. Усмехается старик и всею грядит на удаляющегося сына.

Тышина в цехе. Только в противоположном углу работает третья емена на больших станках.

Старик Морозов нагибается, и в сторону Васиного станка летят несколько готовых винтов.

Третий гулчек через десять минут.

Вася, нагнувшись, подсчитывает сделанное за вчерашний день. Усмехается старик и всею грядит на удаляющегося сына.

Тышина в цехе. Только в противоположном углу работает третья емена на больших станках.

Старик Морозов нагибается, и в сторону Васиного станка летят несколько готовых винтов.

Третий гулчек через десять минут.

Вася, нагнувшись, подсчитывает сделанное за вчерашний день. Усмехается старик и всею грядит на удаляющегося сына.

Тышина в цехе. Только в противоположном углу работает третья емена на больших станках.

Старик Морозов нагибается, и в сторону Васиного станка летят несколько готовых винтов.

Третий гулчек через десять минут.

Вася, нагнувшись, подсчитывает сделанное за вчерашний день. Усмехается старик и всею грядит на удаляющегося сына.

Тышина в цехе. Только в противоположном углу работает третья емена на больших станках.

Старик Морозов нагибается, и в сторону Васиного станка летят несколько готовых винтов.

Третий гулчек через десять минут.

Вася, нагнувшись, подсчитывает сделанное за вчерашний день. Усмехается старик и всею грядит на удаляющегося сына.

Тышина в цехе. Только в противоположном углу работает третья емена на больших станках.

Старик Морозов нагибается, и в сторону Васиного станка летят несколько готовых винтов.

Третий гулчек через десять минут.

Вася, нагнувшись, подсчитывает сделанное за вчерашний день. Усмехается старик и всею грядит на удаляющегося сына.

Тышина в цехе. Только в противоположном углу работает третья емена на больших станках.

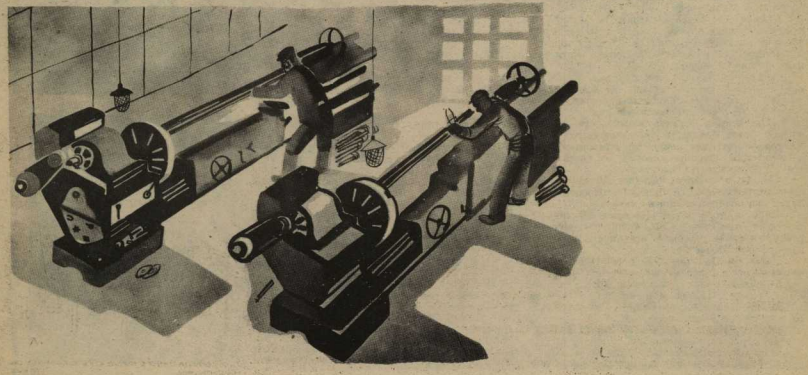
Старик Морозов нагибается, и в сторону Васиного станка летят несколько готовых винтов.

Третий гулчек через десять минут.

Вася, нагнувшись, подсчитывает сделанное за вчерашний день. Усмехается старик и всею грядит на удаляющегося сына.

Тышина в цехе. Только в противоположном углу работает третья емена на больших станках.

Старик Морозов нагибается, и в сторону Васиного станка летят несколько готовых винтов.

мертвецы

письмо из кенигсберга

дм. лебедев

когда падет москва

В польском коридоре, где нагадуго заперты двери берлинского поезда, а снаружи уныло заглядывают в запотевшие окна размазанные польские часовые, я встретил в вагон-ресторане девушку, в лиловом берете, с неистовым, узким лицом, которая долго не могла объяснить с офицантом и в отчаянии говорила по-русски:

— Господи, ведь это же ужас, ни одного русского чеховка!

Водушевскийными лучшими рыцарскими намерениями, какой-то офицант, видимо, бывший подпоручик, храбро пришел ей на помощь. Рыцарство было оплачено благодарным взглядом, и у столба завязался горничный разговор. Девушка едет хоронить отца на одном из окраинных кладбищ Берлина.

До меня долетали обрывки фраз. Я прислушался.

Девушка жадно улетела пахнет и, чаявая, объясняла с видимым удовольствием:

— Я никогда не видела Берлина... тьв... тьв... Тьерри, когда папа умер... тьв... тьв... я даже обрвадалась. Увидать такой... тьв... тьв... мировой город... вы понимаете... тьв... тьв...

— А что делал в Берлине ваш папаша? — Он был комиссионером. Это такая ужасная работа! Представьте, он никогда не бывал в театре. Ужас!

Розовая мордочка выгнулась, по ней пробежала сонная, свиная улыбка.

Она честно собрала крошки с тарелки, облизнула и жадно посмотрела на стакан с котлетями, стоявший около какого-то надущеного толстогождо пассажира.

— Вы знаете? — она говорила приглушенным, полусонным от сатоты голосом. — Мне точно сказали: теперь большевикам — конец. Раньше говорили, что будет конец, — так это было неверно. А теперь уже верно. Очень знающие люди говорили... Генерал Миллер будет командующим... французы дают пушки, англичане дают дредноуты, а американцы — аэропланы. Поляки тоже. И потом крестьяне эти самые — они тоже против социализма... Все пойдут! Теперь уже скоро.

И она снова облизнулась.

— Что ж, Москве, пожалуй, не сдобровать, а? — спросил я осведомленную пассажирку.

— Конечно! — авторитетно заявила она. — А вы разве не знаете?

— Нет, я слыхала. Я вот только не помню точно, когда назначено падение Москвы — на четверг или на пятницу?

Она бросила на меня презрительный взгляд.

— Точного срока установить нельзя, — разъяснила она тоном заправского политика. — Это зависит...

Я поспешил добавить:

— От состояния желудка. До обеда срок кажется больше. После обеда — меньше.

Она окинула меня взглядом, в котором было все — презрение, ненависть, злоба и страх.

— Вы откуда? — сказала она яростно.

Я ответил улыбаясь:

— Из Москвы.

Она быстро шмыгнула в коридор, оставив после себя резкий запах дешевых парижских духов.

господин струве признается

Жалкие люди...

На горизонте тучи стали чернее. Реакционные силы во Франции, Польше, Румынии ли-

хорадожно готовят поход против большевистской страны. И вот повывазела из нор всякая дрянь и, гадая на навошной гузде, лизачивает предсказать, скоро ли. Скоро ли белый кошт трахнет гривой у ворот поверженной во прах Белогаемой?

Дело, конечно, не в этой девушке, которая всего только Катенька:

Что танцуете, Катенька?

Польку, польку, тятенька!

Но Катенька ведь танцует от той самой пещки, около которой греет руки всевозможная генеральско-комиссионерская гниль.

В конце января в Париже состоялся большой белогавардейский митинг, устроенный редакцией газеты «Россия и славянство». На этом своеобразном закрытом митинге присутствовал весь цвет золотопогоного истинно-русского славинства: Миллер, Струве, Кузьма Казембек, Ольденбург, Берншпик, Гиппрус, Мережковский и др. Редко видел мир более унылый паноптикум масок, более разнохарактерный зернивец ничтожеств.

Вопрос, который обсуждался этим почтенным собранием выжихших из ума политический импотентов, был все тот же сокровенный Катенькин мотив:

Когда же, когда же «мы» будем в Москве?

Позволительно спросить, какой ответ на этот вопрос дал осведомленный докладчик — виднейший представитель ситительной провации П. Б. Струве. «Возрождение» уныло констатирует:

Доклад произвел на всех собравшихся крайне тугостное впечатление полной безнадёжности.

Оно и понятно. Струве признал, что в СССР действительно строится социализм.

— Быть может, — заявил он, — большевистский социализм и есть ложный социализм для тех, кто выдвигает истинным, но это все же социализм, законченно и закругленно проводимый.

«Законченно и закругленно проводимый» это, конечно, не очень грамотно, но можно простить профессору Струве эти срыв: в эмиграции то ли еще бывает.

— Осуществима ли пятилетка?

— Это праздный вопрос, — отвечает Струве. — Мы знаем, что она осуществляется.

Сказано нехлохо.

Страх перед неотвратимой, неизбежной, исторически-законной осуществимостью пятилетки, — вот лейтмотив всего доклада Струве.

— Успех пятилетки ставит огромную международную проблему. Борьба Наполеона с экономическим могуществом Англии представляется детской игрошкой в сравнении с тем, что может развернуться из успеха пятилетки. Это, постижение, сдвиг огромного исторического значения.

Кто это говорит? Заклятый враг СССР — Струве.

Раньше некоторые думали о возможности эволюции большевизма в сторону смягчения капитализма. Ныне эта идея потеряла полное крушение.

Известно, что там, где соберутся два белогавардейца, к ним всегда пристанет третий эсер. На столь ответственном митинге как же можно было обойтись без эсеров? Господа генералы позволили двум наиболее чистым из эсеровской публики — Марку Вишняку и Зеняинову — присутствовать при их особах. Старые лакейские сердца не могли вынести столь гибельного барского самотречения. Они

долго и трогательно моргали глазами. Старые, матерые зурбы не выдержали.

— Как! — завопили они, прерывая докладчика, — значит, предсказание о близком конце большевизма неверно?

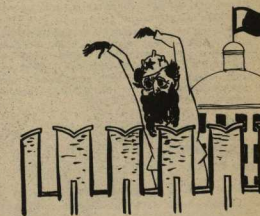
— Я лично, — презрительно отпаривав Струве, — никогда не заявляла о близком крахе большевизма. Я уже двадцать пять лет говорю о невозможности ни экономического предвидения, ни политического прощания.

... Редко видел мир более унылый паноптикум масок...

У белогавардейца одна надежда — всясь, улететь где-нибудь, что-нибудь развихать...

...и вообще ничего нет, а есть только бессмысленный большевизм...

„ИУДА из рейхсвера“

Б. Розенцвейг

И вот «Возрождение» возмущено клеветой, маловаера Струве. Оно называет неверие в пророчество... интеллигентским малодушием! Оно призывает думать... шлоком, а не голлову. Волка, как известно, ноги кормят. У бело-варядейца одна надежда — на нос. Авось, удасться где-нибудь что-нибудь разухать.

Ольденбург уже пронохал:

— Международная интервенция против большевизма,— заявил он,— возможна сейчас более, чем когда-либо.

В зале заплекала мертвечинкой. Но седолазья, заживо разлагающийся от старческого маразма Мережковский отверг все попытки назначать сроки.

— Важно не то, когда падет большевизм,— заявил он,— а то, что он падет вообще, что он падает... шлоком, а не голлову хотим и что так будет.

Подобный исторический анализ открывает, несомненно, широчайшие горизонты для золотой-белой генеральской премудрости. Да золотых в этом отношении оказывается отнюдь не много своих избранных двояковерсий.

Во имя непобедимого падеши большевизма (оно этого хотит и это будет), Мережковский призывает отказаться от «ложного патриотизма» и заключать союз с кем угодно, хоть с чертом, лишь бы только против Советского союза.

И при этом выразительно посмотрел на асеров. Близодиносы с истинно-адакески нежностью радостно закивали ему в ответ.

Какое трагическое единение всех отцеков политической импотенции!

лакеи выбалтывают господские тайны

Нет, интеллигентские малодушии охватили, видимо, очень широкий белогадардейский слой. Даже вождя не свободны от него. И не только Струве. Когда генерал Миллер выступил со своим пространством интервью и побобовал чуть только не через месяц крушение большевизма, миллюковские «Последние новости» писали:

«Каждую весну в правых кругах русской эмиграции начинаются разговоры о «походе на Москву», мобилизации остатков белой армии и возвращении в Россию. В какой-то год, как известно, разговоры эти и слухи кончатся ничем, но целью своей они, по видимому, имеют подогреть улавивший за зиму дух в эмигрантских воинских организациях. В этом году «белая весна» началась чрезвычайно рано — уже в первых числах января».

Миллюковскому органу нельзя отказать в большом запале иронии. Но в ворохе безудержного генеральского бахвальства (оно готово начать войну, у нас — сто тысяч войско, и т. д.) с гордостью смотрю на мизер войска и т. д. «Последние новости» не заметили — сознательно не заметили — двух любопытных обмолвок. Во-первых, «одна держава, являющаяся сверхвастью большевизма, согласна оказать нам финансовую помощь». И, во-вторых, «и Патриция существует белая воинская академия, которая уже обучила 10 тысяч людей основам военного искусства».

Миллер, конечно, может и должен мечтать: больше ему ничего не осталось в его белом удешении. Но поведение «одной державы» нам кажется несколько странным, тем более, когда «одна держава», — это ведь вполне можно! — сохраняет с нами определенные дипломатические отношения.

старушка на пике

Когда же, когда же все-таки...

Штаты «Возрождения», «Сегодня», «Руая» и поте лица изобретают все новые и новые варианты. Погоня за количеством неизбежно складывается на ухудшении качества продукции.

«Сегодня» начинает изобретать восстания в фантастических городах и селах, которых не найдешь ни на одной карте и которые взяты напрокат из произведений Салтыкова-Щедрина или из «русских» романов Жюль Верна. В долгие зимние вечера наши пограничники в достатке с искренним изумлением узнают из белых газет о «колоссальных сражениях» с восставшими крестьянами, выдержанных ими как раз в те дни, когда их болате всего обурывала скука. Они узнают о старушке, которая хотела бежать из СССР (и чего ей, как говорится, старушке, надо?) и которую они «подняли на пике». Ваня Главинев в Битгосе долго и усмирительно хохотал, когда я ему рассказывал об этой старушке. В Битгосе — три года на границе и в жизнь не выдал никуда старушки, да еще на пике.

Потом, встретив меня в поезде, он снова подмигнул и сказал ехидно:

— На пике?

Я ответил:

— Конечно. А может — на пропелере?

Он снова захохотал, вызывая безграничное недожество дущих в поезде серьезных рижских тузов.

чему верить, на что надеяться?

В «Фуле» некий Юши посвящает целую поэму... примусу. Он утверждает, что эмигрант потерял сейчас всех друзей, что у него остался единственный друг — примус. Немного.

«Возрождение» возлагает надежды на гипнотизатора, как говоривший провинциальное претидиктатора, «гипнотизм» — это сила, которая сидит и работает внутри нас. Вообще серьезно «Возрождение» утверждает, что большевики держатся исключительно путем гипнотической силы. Они, мол, «омеграчивают» народ. И «промигранты» омерзачили, и насчет этикетки омерзачили и вообще. И ничего этого нет, а есть один только всесезонный большевик, который сидит и всех омерзачивает (1!).

А вот сын адмирала Макарова перешел в еврейство, стал Авраамом-бен-Авраамом и уехал в Палестину. Он утверждает, что только евреи спасут человечество. Уж если черносотенные зурды, появившие все даяры погромного искусства, доходят до подобных экспериментов,— значит, в болате началась последняя стадия гинении.

это конец

«Не будем притворяться,— пишет в «Последних новостях» старый фельетонный «жорло» Дон-Аминдо,— настоящего нет, все в прошлом... Скоро и нам в амбула старой графини из «Ликовой дамы» придется сесть в волтерское кресло и только напевать дрожанием, надтреснутым голосом:

«Однажды в Версале...»

Ослепший фельетонный кот на окринном эмигрантском заборе переживает с места на место свои ноющие обезьяне дамы и мечтает, мечтает, мечтает...

«...Переминаются с ног на ногу сказочные, огромные, в заиндевавших бородах куцера. Свет звезд Большой Медведицы голумит горит в черном небе. От аюшей — теплая пар. Высятся, падают, кружатся снежные хлопья».

«Однажды в Версале...»

«...Настоящего нет, будущее скрыто, все в прошлом. Жизнь оголилась, обескрылилась, стала злой, жадной, прожорливой. Живем мы скукой, живем мы грустью, живем жестоко...»

И сплять в снежных бульварах Парижа, в рыве автомобильных шпур, в симфонии эвекстрических огней глумим сучным воем вымывается к холодному небу слезивая, пыльная, гниющая дорожка:

Однажды в Версале...

В Германии, наконец, напелся католический поп, который, не убоившись небесной кары за богохульство, наградил вождя немцев фашистов Гитлера титулом Христа. Вся «демократическая» пресса громко крикнула от ужаса. Чернорубашечный Христос с выражением лица, имеющим мало общего с любовью к ближнему и всепрощению,— можно ли вынести нечто подобное!

Однако, новоявленный фашистский святой чувствовал себя после возведения в сан совсем не плохо. И если чего-нибудь ему не доставало в новом положении, т. э. — собственного Иуды.

И он пришел — «Иуда», «красный Иуда», как заикась называет его фашистский офицер. Речь идет о лейтенанте Шерингере — недавнем боевом сподвижнике Гитлера, опубликовавшем громовую обвинительную статью против национал-социалов и прешедшем в компартию.

«Иуда из рейхсвера» — лейтенант Шерингер — был одним из самых непримиримых участников гитлеровской банды. Герой мировой войны, горячий патриот, темпераментный политический лидер, он был заключен в крепостную тюрьму Голянов за то, что проводил активную фашистскую пропаганду и создавал национал-социалистические ячейки в армии.

Сидя в крепости, он встретил в своей камере многих революционно-настроенных рабочих, подавляющее большинство которых принадлежало к компартии. Лейтенант Шерингер срывает погоня. Под огневой стурей беспощадной революционной критики он начинает яничать. В тисках большевистской догмы раздвигались, уничтожены жалкие и фальшивые гитлеровские идеалы.

И вот коммунистический депутат Кипенберг с трибуны рейхстага оглашает письмо лейтенанта. Буржуазные депутаты, обычно бегущие пить кофе в буфет, как только слыво получает оратор компартии, остаются привожденными к своим скамьям. Медленно, четко, раздельно, как капли в глубокой колодезь, падало в зал заседания парламента каждое слово этого письма.

«Мы думаем рйбше, что нашу идею осуществляют национал-социалисты, но теперь мы убедились в полном противоречии их действий с радикальными фразами. Они отказались от социализма, они объявили частную собственность священной, они защищают капитализм против пролетариата, они против разрыва плана Юнга, они признали долги Германии международному финансовому капиталу. Реакционный характер партии национал-социалов ясен. Их предательство нацию. Капиталистические державы Запады продолжают выжимать сок из трудового населения Германии. Одновременно они готовят наступление против Советского союза...»

Мы можем обрести свободу только в борьбе с СССР после разгрома капиталистической системы Германии.

В этом месте в зал упала бомба денников штаба о революционной войне. Доинвертер, бывший фашист прибегает к Ленину. Боевой офицер решает заглянуть свой мундир словами о революционной войне. Вчерашний сподвижник Гитлера и друг Геббельса протягивает руку за помощью к компартии и ищет спасения в ее рядах.

Но лейтенант Шерингер все продумал до конца и поэтому он неумолим. Свое обращение к рейхсверу, к рейхстагу, к германскому народу он заканчивает следующими словами:

«Больше нет сомнений—свобода лишь на стороне революционных рабочих, крестьян и солдат. Здесь место для всех честных борцов, а не в рядах реакционной гвардии. Я решительно ухожу от Гитлера и фашизма и объявляю себя солдатом боевого пролетарского фронта».

Буржуазные круги пытались в первую минуту объявить письмо фальшивкой, скороспелой первоапрельской шуткой, результатом

острого приклада сумасшествия. Но в этот момент из Гольовской крепости прибыла на имя фракции парламента телеграмма от заключенного лейтенанта Шерингера. В ней он спокойно спрашивал о том, какое впечатление произвело его письмо.

Письмо пришлось брать всерьез и даже очень всерьез.

Тогда под аккомпанемент отчаянных воплей «Фюрер» с проникновением большевизма в армию пришлось констатировать неудержимое движение от минного социализма национал-социалистов к большевизму.

«Миллионы голосовавших за национал-социалистов идут к тому, что сделал Шерингер,—испутанно лепечет «Фосисе Цейтунг». А другая газета, «Берлинер Фольксцейтунг», как бы переключаясь с ней, идет еще дальше в своих опасениях: «Лейтенант Шерингер не одиночка, он лишь пионер и первый вестник целой армии людей, которые после полного разочарования найдут путь в тот же политический лагерь, куда ушел Шерингер».

Самая эффектная копировка не сравнится с этим многозначительным свидетельством, сорвавшимся с пера буржуазного журналиста.

Американец Х. Юнг, доведенный до отчаяния своей нищетой, продал себя на аукционе за 100 долларов на любую работу на всю жизнь. На снимке «продана» Х. Юнга (стоит на возвышении слева)

аэро- фотоОъемка

З. Рихтер

В железнодорожном строительстве аэро-съемка впервые применялась у нас при изысканиях Туркестано-Сибирской ж. д. По договору с управлением ТуркСибДОРобролет должен был заснять два труднейших участка: Курдайский перевал—1400 км., и бассейн реки Или—2100 км.

Аэросъемка и воздушные рекогносцировки на ТуркСибе должны были помочь изыскателям-инженерам выбрать правильное направление, что в тех условиях было далеко не легким делом. Гористая, хаотическая местность, палящий зной, недостаток воды и, главное, отсутствие точных карт. Изыскателям приходилось идти с рекогносцировкой «вслепую». Наткнувшись на скалу или оступившись на краю оврага, не показанного на карте, им приходилось возвращаться назад и искать новое направление, рискуя снова натолкнуться на какое-нибудь непроходимое препятствие. В таких условиях воздушная съемка и аэросъемка могли оказать огромную пользу. По фотоснимкам, точно воспроизводящим местность в горизонталях, инженер легко может представить себе рельеф местности и правильно в ней ориентироваться.

В том случае, если от аэросъемки требуется геодезическая точность, то прежде чем приступить к съемке, посылают топографов, которые намечают на местности так называемые опорные пункты—какую-нибудь выдающуюся скалу, одинокое дерево, здание, любой предмет, заметный с самолета.

На пустынном и голом Курдайском перевале приходилось просто-напросто складывать камни в виде пирамид; кочевники относились к этим геодезическим знакам с величайшим уважением, принимая их, вероятно, за освещенные памятники.

Полет самолета при аэросъемке должен быть прямым и плавным, иначе снимки выйдут плохими. Достигается это долгой и упорной тренировкой. В Курдайских условиях полеты вообще очень тяжелы. Здесь постоянно дуют свирепые ветры, несомненно падают высокие кообразные смерчи. Настигнет в воздухе аэроплан бешеной смерч—и гроб.

Над горами Алатау и песчаными пустынями ТуркСиб летчик должен быть готов ко всяким воздушным фокусам.

Тепло розовеет, купавшись в синей выси, ледяные веники Александровского хребта. Пятый час утра, и холодный воздух чист и прозрачен (днем, наверное, будет не менее 50° жары).

На зеленом поле аэродрома возле поблескивающего крыльями биплана уже возится механик. Вокруг на корточках разместилась семья киргизов из соседних юрт. Они часами просиживают тут, наблюдая работу механика.

От белеющих поодаль палаток летного лагеря нам навстречу идет стройный худощавый человек. Летчик Арцеулов. Через плечо у него перекинута поволока. Он только что проделал обязательную утреннюю гимнастику и принял холодный душ. Глядя на него сейчас, особенно трудно поверить, что он начал летать одновременно с «дедушкой» Россинским, Агафоновым и Колчиным (последних уже нет в живых).

Правда, Арцеулов начал летать очень рано; его как несовершеннолетнего не сразу приняли в члены аэроклуба; еще подростком, в 1903 году, он поднимался на первом дельнере, учился на первом русском самолете «Россия», на котором можно было продержаться в воздухе не более пяти минут (самолеты у нас в то время строились по фотограммам с Влерно).

До поступления в летную школу Арцеулов окончил в Севастополе морское училище; три

года плавал югом на парусной лодке в шхерах, брал призы на лодочных гонках.

Экзамен на пилота Арцеулов сдал в 1911 г. В германскую войну был начальником истребительной группы. Летал в ночные разведки, освещая приборы простым карманным электрическим фонариком.

После революции Арцеулов принимает деятельное участие в организации планерных состязаний. Он был командиром ОДВФ в 1925 году на планерные состязания в Германию...

Поднявшееся солнце уже порядочно припекает, загорелая спина механика блестит от испарины. Но нам для полета приходится обматываться в меха. В воздухе здесь очень холодно даже в июле. В своих меховых костюмах мы являем полную противоположность остающимся на земле товарищам в одних трусах.

Поднявшись над аэродромом, Арцеулов направляется на северо-запад, в сторону Курдая, по маршруту аэросъемки. Под нами заметна Алма-Атинский тракт, видны железнодорожные столбы и большие, вытанувшиеся в длину села и посевы. Подвижные дуга блестят на солнце, как парниковые гряды; не сразу сообразишь, что это там внизу сверкает на солнце—вода или стекло. Сверху видна, как на ладони, сложная арочная система. Расходясь от главного широкого арка во все стороны, арочные каналы напоминают жилки на темном листке клена или дуба. Постепенно местность становится все затененнее, напоминая засохшее тесто, которое кто-то месил и бросил. Впереди выдвинулась гора Чагай (1400 км. над уровнем моря), наивысшая точка Чу-Илийских гор.

Под нами широкое горное плато—Курдайский перевал—1200 метров над уровнем моря. Насколько глаз хватает—холмы и холмы; кое-где возвышаются более высокие вершины и скалистые пики. Никакого порядка в расположении гор и направлении хребтов незаметно.

Мы у места аэросъемки. С этого момента Арцеулов всецело отдается в распоряжение аэросъемщика.

В кабине самолета над отверстием в полу установлен в вертикальном положении фотографический аппарат—автомат «Цейс», который через определенно рассчитанные промежутки времени фотографирует видную внизу местность. Аппарат работает автоматически и соответственно изменению скорости полета меняется и скорость фотосъемки. Каждый снимок покрывает площадь в $1\frac{1}{4}$ км. ширины и 40 км. длины. Каждый снимок несколько перекрывает предыдущий, чтобы не было пропусков.

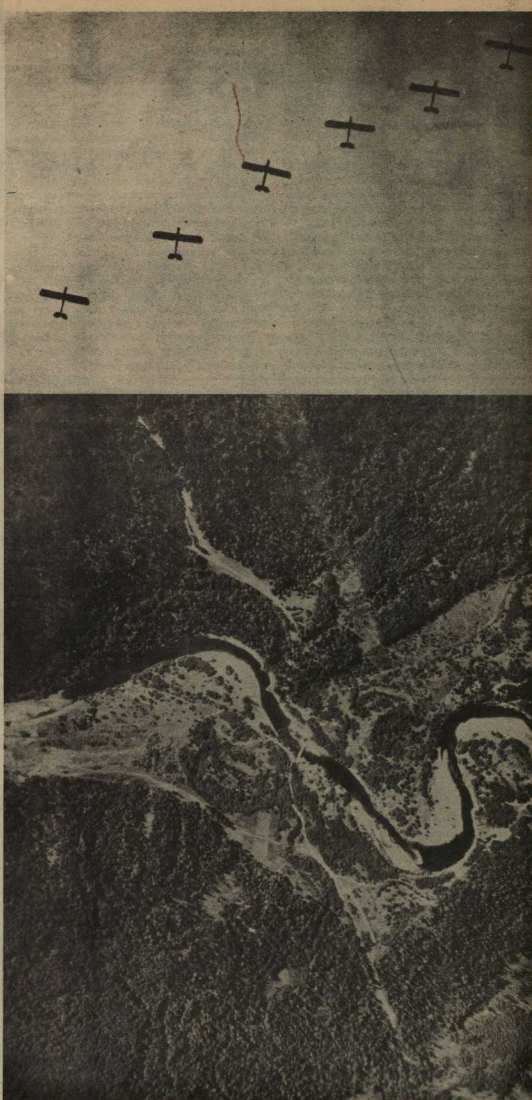
Наблюдатель, смотря в матовое стекло, в котором отражается местность, над которой мы пролетаем, дает указания пилоту в каком направлении лететь посредством особого прибора (взросодержателя).

Над перевалом крутится пыль. Здесь постоянно дует сильный ветер. Однако я почти не чувствую колебаний самолета. Управляемый опытной рукой Арцеулова самолет летит плавно, не отклоняясь в сторону и на определенной высоте, как того требует аэросъемка.

Пролетая над перевалом, едва не задеваем колесами острые скалы. Но ветр прихотливые Курдайские скалы остались позади. Впереди открылось пепельно-серое песчаное море Музон-Кум.

Самолет по команде аэросъемщика круто поворачивает и летит в обратном направлении. Дойдя до определенного места—предгорий Курдая, самолет снова делает крутой поворот и летит в сторону перевала. Так мы проносимся над Курдайскими вершинами взад и вперед, не меняя высоты, по совершенно прямой линии. Спусти два часа, возвращаемся по тому же пути на аэродром.

Через несколько дней в фотолaborатории аэросъемки я рассматривала заснятые нами готовые фотоснимки (пашшеты) Курдая. Снимки были подобраны таким образом, что получалась полная картина горного перевала с птичьего полета со всеми неровностями и мельчайшими подробностями местности. Можно было рассмотреть даже овечьи тропы.

ИСКУССТВО МОЛЧАНИЯ

Бор. Мейлах

В драке между атеистами и карнагелцами случайно погибла девушка. За это и тех и других участников свалки суд приговорил к пяти годам принудительного воспитания.

Вот тут-то, в тюрьме, и показаны принципы американского воспитания. Местные побой, граничащие с пытками, злостные наказания за пустяковые проступки, полицейская мушкетерка, полный провал надзирателей-зверей, вечный окрик «молчать!».

И в такой-то вот обстановке вождь атеистов — Дюкди и вождь «карнагелцев» Боб выключаются друг в друга и совершают побег из тюрьмы. Разумеется, их ловят и возвращают в тюрьму.

Где же в этой картине атеизм? Его здесь нет.

Да это и понятно. Ведь борьба с религией — это борьба с буржуазией. Кому, кроме буржуазии, нужна религия, разоружающая человека в классовой борьбе. Поэтому все «безбожные» кадры цензура вырезала.

Дюкди и Боб разговаривают, держась за железную решетку. Надзиратель замечает этот разговор и выключает в решетку электрический ток. Руки обоих обожжены. На руках Дюкди от железных прутьев решетки остались кровавые следы в виде креста.

Этот кусок американская цензура выбросила. В Советский союз его прислали отдельно и здесь вмонтировали в фильм.

Кровавый крест на руке наводит на размышления, а это вовсе не в интересах аме-

риканской буржуазии. От успокаивающей литературы до окуривающего джазбанда — все направлено на то, чтобы убить живую человеческую мысль.

Но самое интересное — это идиотский, фальшивый конец фильма, который показывался на американских экранах. Дюкди, вождь атеистов, становится в верующей. Этот не логичный, насильственно пристегнутый, ложный конец делает всю картину антихудожественной. Но по американским понятиям «благоприятный» конец обязателен.

Что же такое фильм «Молчать»? Это великое произведение кино-искусства. Высокоталантливый режиссер Сесиль де Милье, всемирно известный оператор — Томерель Мерли, очень хорошие артисты Мари Ирвинг, Эдди Килланд, Джордж Денне сделали интересную картину. Но рамки американского буржуазного стиля помешали их работе. Поэтому советский зритель, просмотрев картину, уходит разочарованный. Нет противоречий, нет настоящей борьбы.

Что же такое фильм «Молчать»? Это очень высокое по технике искусство молчания.

«Молчать!» — это главный лозунг современной буржуазии. И, послушаешь доллар, молчит искусство, молчит пресса, молчит литература. Даже наука молчит. В первом номере журнала «Вельтиришварф» за 1931 г. доктор Эйтнер анализирует современный кризис капиталистической промышленности, приходит

к выводу, что кризиса его — расползаются планет. Между Юпитером и Сатурном периодически возникает определенный угол, и как раз в это время и наступает кризис промышленности.

Буржуазная наука в оригинальности выводов соперничает с новеллами О. Генри. Лишь бы покрыть лаком струны и языки капиталистического мира.

Но приказ «молчать!» нарушается все чаще и чаще. Его нарушают те, о которых «Нью-Йорк Таймс» 5 января писала: «Американскому правительству не следует допускать американцев до голодной смерти, так как это неуманно и опасно».

Опасность, о которой так осторожно говорит «Нью-Йорк Таймс», совсем близка. Яма, которую американскими темпами роют себе капиталисты, уже достаточно глубока. И класс-революционер, класс-могильщик не замедлит бросить труп буржуазии в яму, вырытую ее собственными руками.

Лучи лакированных автомобилей мягко скользят по серому полотну ночи, отражаются в зеркальных витринах магазинов, ресторанов, кафе, томят в потоках света электро-вывесок. Красные надписи, бегающие по облакам черного неба, уверяют: искать ботинки лучше, чем фирмы «Роберт Форс и Сын» — безнадёжное дело. А не лучше ли сходить на грандиозный вечер ста герцо?

Вот тогда-то и показывается внутренность одного из лакированных автомобилей. Он и

«Педагогические приемы» в американских «донах принудительного воспитания» (кадр из фильма «Молчать»)

она: стандартная улыбка под стандартной фетровой шляпой и задорный изгиб карминных губ.

В живописи фактурой называется обработка художником поверхности холста. Она может быть тусклой, шероховатой, лакированной. Так вот: фактура американского кинофильма — лакированная фактура.

Действительно, американский кинофильм развешивается на фоне блестящих линолеумных, небоскребов, целого океана света. Люди на экране, в сущности, очень довольны своей жизнью, очень легко относятся к ней. Стиль современного американского буржуазного искусства — легкое отношение к жизни. Не мудровать, лужай! По лакированному паркету танцовать приятно и легко!

Этот стиль, эту манеру еще издавна культивировала американская буржуазная литература. Том Совер и Гексельбери Финн — такая милая пара шауновой Правда, Гексельбери Финн бродяга, потому что он индеец... Но что ж такого? Нищим бродягой быть очень интересно и приятно! Вот подтверждение: Том Совер хорошо обеспечен, но он бросил сытую жизнь и ушел бродяжничать, потому что это так весело.

У популярного американского писателя О. Генри — тонкое остроумие, изумительная изобретательность, блестящая игра неожиданными.

В его новеллах жизнь так забавна! Капитансы и миллионеры — милые шутники, они идут кому бы спавить свои денюжки. Между миллионером и рабочим особой разницы, собственно, нет... Все случайно: миллионер легко может стать индеец, и наоборот. В одной новелле Генри ясно показывает, как рабочий шахтер превратился в крупного миллионера. Как все просто и весело!

Легкой, простой, веселой изображается жизнь и в других областях американского буржуазного искусства. Для живописи неомимпрессионистов и нефутиристов характерно совсем поверхностное отношение к действительности. Здесь нет адуичности, нет углубленности, нет анализа. Художнику небо почему-то показало зеленое цвета, а лицо человека — темно-синим, и он таким образом из на холст. Ин — огромные несколько цветных ромбов, квадратов, эллипсов и подишет: «Бегущая женщина»...

А прыгающие ритмы американских мелодий, однообразные синкопы фокстротной музыки,

хаос джазбандного криклянья или, наконец, легкая, сладенькая, пошлая музыка композитора О'Негера, — разве все это не утверждает тупое доверие, не уводит от «мудрствований лукавилья»... Не музыка — забавный аспект!

Для Советского союза современное американское искусство бесполезно. Поэтому его плохо знают. Но вот, к сожалению, охотников до американской флямы много. Недавно мы видели фильм «В доках Нью-Йорка». В центре его — кочегар большого парохода. Разумеется, основная черта американского искусства — лакировка и замалчивание противоречий действительности — была здесь полностью сохранена. Этот кочегар Бидль с удивительной легкостью шагал «по торной дороге жизни». Он без малейших усилий переносил все неприятности, адскую работу у пароходных топков, глорное заключение. Великолепная игра артистов, прекрасная постановка призваны создать убедительность этой картины.

В настоящее время у нас демонстрируется новый американский фильм «Молчать». Это еще один образец свойства буржуазного искусства молчать о настоящей действительности показывать до бесконечности фальшивую монету. Но с формальной стороны картина сделана с исключительным мастерством.

В отличие фильм «Молчать» кажется весьма демократичным. В конференции режиссер Се-силь де Милья заявляет: все показанное в картине не вымысел, а подлинная действительность, подтвержденная документами и показаниями свидетелей.

Зритель заинтересован. Кино-иллюстратор выпускает трель и этим еще более усиливается «ожидательное» настроение.

Картина, как будто, антиреалистична. На экране борьба двух групп американской учащейся молодежи: атеистов и союза архангелов. В чем заключается эта борьба? Во взаимной перестрелке остротами и в драке.

Правда, симпатии режиссера скорее на стороне атеистов: они более «идеины» и остроумны. Но сущность религии, как социальной категории, в картине «Молчать» не вскрыта, обойдена.

По существу, борьба между двумя группами молодежи могла протекать и по другим причинам, от этой картина очень мало пострадада бы.

Драка между атеистами и «архангелцами»

Динюди доставлена в тюрьму

В женском отделении «дона принудительного воспитания» кадры из фильма «Молчать»

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЗАВОД ИМЕНИ ЕГОРОВА

СОБЛЮЖАЮЩИЙ №104

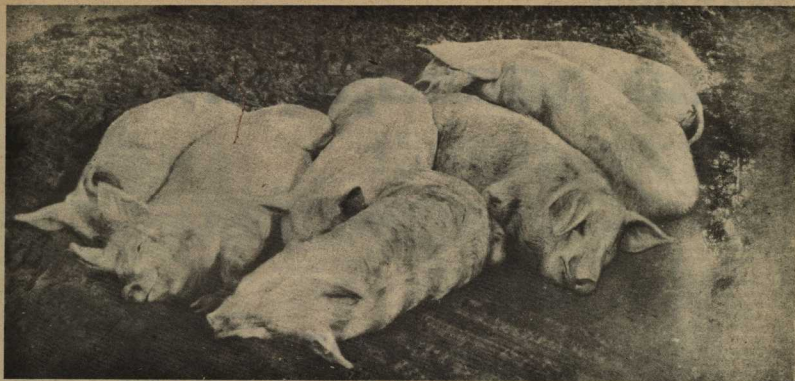
ПЕРВЫЙ ЗАЕМ ЕГОРОВИЧЕВ НА

ОВЛАДЕНИЕ ТЕХНИКОЮ

КУРС ПО ВЫГОДАМ НА 35 ЧАС

11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

На вагоностроительном заводе им. Егорова, в Ленинграде, выпущен «первый заем техника». Получившая облигацию займа берет на себя обязательство аккуратно посещать производственно-технические курсы. Каждое посещение курсов отмечается погашением купона облигации

борьба за свинью

Е. С.

Эстафета.

Огромный стадион, бесконечные гладкие дорожки. По дорожкам бегут люди в светлых майках. Они передают из рук в руки маленькие флажки. Бегунов поощряют. С притягивающим вниманием следят за тем, как они, выбиваясь из сил, достигают заветного финиша.

Но мы собираемся рассказать об эстафете несколько иного свойства. Речь идет об эстафете... свиноводной.

Свиноводная эстафета в Белоруссии началась за несколько недель до X съезда ЛКСМБ. В дни съезда «бегуны» пришли к финишу. Дело обошлось без флажков. Зато цифры играли в этом состязании исключительно важную роль.

Во втором году пятилетки Советская Белоруссия только по линии «Свиновода» должна была поставить больше 20.000 новых свиноматок, построить несколько тысяч откормочных пунктов, свинарников, провести организацию новых свиноводных совхозов... Реализация этой задачи означала коренной переворот в развитии животноводческого хозяйства БССР.

На помощь планам второго года и особого квартала пришел белорусский комсомол. Силы организации были направлены по основным маршрутам: «постройка свинарников», «откормочные пункты» и т. д. 780 комсомольцев были специально мобилизованы на строительство свинарников.

Витецкие комсомольцы поставили перед собой простейшую задачу — улучшить обед свиной. Свинью выгодно кормить. Она отдаст долг сторичей.

Комсомольцы ветеринарного института изыскали новый корм для свиней. Они разбавили из бригады и двинулись проверять по городским столовам, как используются отбросы от обеда. Увидели: ни в одном месте не используют отбросов. Всюду сливают в яму.

— Некогда возиться, — отвечают завья.

— Как это некогда? — возмущаются комсомольцы. — Это столовая ЦРК?

— Да, ЦРК.

— А знаете ли вы, что ЦРК имеет свои свиноводные хозяйства?

— Послушайте, товарищи, не говорите нам об учебных истинах. Конечно, знаем...

Сотни тонн прекрасного корма пропали!

Комсомольцы ветеринарного института взяли шефство над откормочными свинарниками. Они заставили являку комсомольца ЦРК практически заняться свиноводными делами.

Комсомольцы ветеринарного института идут дальше и принимают решение — проверить всю работу ЦРК власти разрешения животноводческой проблемы.

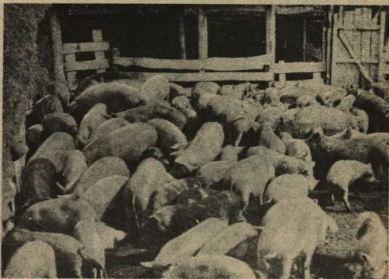
В деревне, в совхозах и колхозах комсомольская эстафета оставила глубокий след. С пути эстафеты рапортовали съезду белорусского комсомола:

... Совхоз Лельчицы. Превысили задание. Должны были поставить 200 свиноматок, поставили 226. Ячейка организовала свиноводческий пункт и обеспечила его комсомольскими кадрами.

... Колхоз «Красный партизан» идет вперед других. Комсомольцы на постройке свинарника создали ударную бригаду. Ударники обеспечили стопроцентное выполнение программы строительства.

Свиноводная эстафета у «финиша». Но разве закончена работа? К концу 1931 г. количество свиноматок в БССР должно быть доведено до 50.000 голов. Предстоит огромная работа в совхозах и колхозах.

Эстафета — залог того, что белорусские комсомольцы будут энергично бороться за выполнение планов по свиноводству в решающем году пятилетки.

Бандитизм в Америке

Лео Мур

Бандитизм стал в Америке вполне нормальным уголовным явлением. Финетс экстраординарного. В порядке вещей. Одни из свободных профессий. «Каждый зарабатывает деньги, как может». Не все ли равно, как грабить людей,—при помощи акций или при помощи револьвера?

Из всех «кратчайших тропинок» к личному успеху—бандитизм самая короткая тропинка. «Руки вверх!» Готово дело! «Спешу достигнуть Доллара в кармане. Вход в «просперити» широко открыт. Бюрократизация. Во-первых, «риски» благородное дело, а во-вторых, никакого риска нет. «Карающая рука Фемиды» тяжело опускается на лиц «нарушающих основы», на «красных агентов Москвы». Бандиты же не «нарушают основы». Агrest грозит им не тюрьмой, а разорением. Именно так: дальше полицейской усадки поповляющийся бандит не пойдет: вантажирю тюрьмою, полисьены выкачают из него все деньги и выпустят на свободу—наживай опять!

В былые времена поэты и бандиты имели внешние отличительные признаки. У поэтов были длинные волосы, у бандитов пенки на хвосты, шарфы, плаксы ножи и дегенеративные отстающие уши.

Теперь в Америке ничего этого нет. Ломброзо стал бы втиснуть: с любого бандита можно снять фото для рекламы крахмальных ворончатых привлекательных лиц, —так сразу и чувствуется, что владельцы их с успехом окончили заочные курсы личного обаяния! Не отличить от «бизнесмена» («делового человека») мистера Эбботта. Даже модный, лиловый с фиолетовыми крапинками галстук—в точь такой же!

Бандиты не чуждаются общества, как раньше. Их можно встретить на всех премьерах и в «шпаклярных» ночных клубах. Мистер Джонс шепчет мистру Бэббиту на ухо: «Дей, за твои услуги стоюлом одит знаменитый бандит—царь Соломон... Он стоит 18 миллионов долларов! Посмотрите, какие у него бриллианты на запонках!»

Мистер Эбботт смотрит и завидует...

Небывшее явление. Общее количество грабительских шаек увеличилось в Америке в тысячу раз, а число бандитов в каждой отдельной шапке значительно уменьшилось; рационализация. Главари шаек нет необходимости иметь большой «личный состав»: машинация. Пулеметы и газовые бомбы требуют меньшего обслуживающего персонала, чем старомодные ножи и револьверы.

Чем меньше в банде «капитанов»—тем больше «единиц». В классическом городе бандитов—Чикаго—газетам отмечены случаи большого «сокращения штатов» среди чикагских бандитов вследствие «монополизации» нескольких банд между собою. Репортеры замечали безработных бандитов, стоящих в очереди за бесплатным супом!

«Монополистические» шапки американских бандитов пользуются всеми преимуществами «машинной цивилизации». У некоторых наиболее крупных банд имеются свои собственные радиостанции, аэропланы, моторные лодки, бронированные автомобили. Бизнес так бизнес! Без капитальных инвестиций не обидеешь! Не такое теперь в Америке время, чтобы можно было орудовать с примитивными «орудиями производства»: ножом и револьвером! «Кустарям-одиночкам» нет места в таком «рационализированном» и «машинизированном» бизнесе, как современный «стопроцентный» американский бандитизм! Плато на грабей и убийство сохраняется за бандитскими монополистическими объединениями. Единичных «аклюрентов» —разобиничи «монополисты»

просто напросто убивают или... выдают по лицензии!

Все течет, все меняется. Изменились методы грабежа. По старой памяти, бандитские шапки принимают еще заказы от фабрикантов на разгром жилищ будущих рабочих. На это больше «зда» спорта, чем для шпакотка. Основные «дивиденды» поступают по строго намеченной смете от многочисленных данников». Современные американские бандиты больше занимают изысканным шантажем. «Акубу» грабейками. Рассылают по заранее составленному списку радиотграммы:

— Трубки-то тогда-то внести в банк так-кой-то на текущий счет, номер такой-то, столько-то!

Пусть попробуют не внести! Американские бизнесмены так напуганы бандитизм, так убеждены в беспомощности полиции, что без всякого бюрократизма, немедленно по получении радиотграммы выписывают чек на требуемую сумму!

В случае невыполнения «жиротриказа» — бандиты идут на все: на дневной грабей, на пулеметную перестрелку с полицией, на газую обстрелку—во что бы ни стало, «поддерживают честь своей фирмы» и сурово наказывают «провинившихся»:

— Чьобы другим повядно не быть!

Конечно, если подвораживается подходящий случай—перевозка больших денежных сумм и т. п., бандиты добывают к постоянным доходам от шантажа «единовременные ссуды».

При крупных шапках состоят на постоянном жалованьи опытные технические эксперты и юристы-консультанты! Бандиты ездят на грабей со своим собственным адвокатом! Задача «служителей Фемиды»—следить за тем, чтобы бандитам не было оставлено никаких улик, и на всякий случай, «быть в полном курсе дела». Технические эксперты обеспечивают для своевременного принятия мер против сложнейших «уловительных» приспособлений, нагороженных в каждом крупном учреждении. Техника работает на два фронта: одни инженеры придумывают хитрые приборы для защиты от грабителей, другие инженеры изыскивают «противоядия» против изобретений своих коллег!

Мелкими кражами уважающие себя банды не занимаются—считают ниже своего достоинства даже похищение автомобилей. Этим делом ведают специалисты, так называемые «гонцики». Члены «аристократических» банд относятся к «гонцикам» свысока, почти так же презрительно, как бывшие «столичные», питерские и варшавские «блатные» относились к деревенским конокрадам!

Американский бандитизм принимает подчас совершенно неожиданные, смехотворные формы.

Главар одной из чикагских банд мистер Бунни, обуян жаждой славы. Со всеми репортерами он на панорабу. Репортеры зарабатывают на нем каждый по тысяче-другой долларов. Фото Бунни нестрят в газетах чаще, чем фото актеров и «великобеситских дам. Но всего этого мало честолюбивому Бунни! В бессонную ночь его осеняет гениальная мысль: его портреты и факсимиле на коробках сигар! Есть! Все табачные магазины и киоски Чикаго забавены сигарами «Бунни». Сигары—дринь. Никто их не покупает. Владелец табачных лавок, тем не менее, аккуратно вылачивают агентом Бунни деньги:

— Все распродано! Пусть Бунни прилетит еще партию!

Однако Бунни скоро узнает о «туснущих проделках табачников». Ему важны не деньги, а слава. В один день по всему Чикаго разбиты окна всех табачных лавок, не сумевших наладить распространение сигар «Бун-

ни. История попадает в газеты. Бунни принужден похоронить свою честолюбивую мечту о том, что коробочка сигар с его портретом имеется в каждом доме Соединенных Штатов! С досады он облекает владельцев чикагских табачных лавок совершенно непонятной данью. «Табачники» устраивают «сухой закон», дают крупную взятку полиции и Бунни продолжает в тюрьме! «Вот до чего доводит честолюбие»—дирижески комментирует этот «печальный случай» один из потерпевших постоянный доход репортеров...

Введенный в 1919 году федеральный «сухой закон» дал американским бандитам новую почву для «экспансии». Бандиты оседлали пуританского «верблюда» (созданная карикатуристами эмблема «сухого закона») и мчатся на нем к «просперити».

В Америке говорят:

— Сухой закон держится, потому что за него стоят контрабандисты и самогонщики.

Потенные бизнесмены вкладывают в самогонное дело большие капиталы. Чем крупнее инвестиции, тем более горячо отстаивается «сухой закон». Отсюда закон пошел бы к многочисленным банкротствам и разорениям. Бандиты «стоят на страже» сухого закона: вывешивают в смоле и перьях, избивают, а подчас и убивают политических деятелей, осмеливающихся публично выступать за отмену сухого закона.

Бандиты или сами занимаются контрабандой виски или обслуживают контрабандистов в качестве вооруженной охраны. Стычки между бандитскими шайками и правительственными агентами подчас переходят в кровопролитные сражения с пулеметной перестрелкой, газовыми атаками и взрывами бомб. Бандиты содержат или охраняют тайные бары. Среди бандитов имеются специалисты по шантажам. При плохой простоту-кого они ставят «номинальных» граждан—компонируют с положением и вымогают деньги угрозами разоблачений, как «пьяницы» и «развратиков».

С полнотой и бандит самый тесный контакт. «Политический» один из наиболее репортеров было обнаружено и неопровержимо доказано, что сам начальник городской полиции и его помощник регулярно получали от крупных шаек большие суммы денег. Репортер был убит—известно кем: бандитом или полицейским? Время от времени американская полиция—иногда по заданию конкурирующей шайки бандитов, иногда вследствие принципиальных расхождений в распределении размеров «мзды» подвергает некоторых мелких бандитов арестам и предает их суду. На общую «конъюнктуру» американского бандитизма эти «мелкие индексы» никакого влияния не оказывают. «Бизнес» остается бизнесом.

Главная «тема» предельно с «бизнесом». «Делать» жизнь—сравнивается с грабейми и шантажем. Бандитизм—плоть от плоти, кровь от крови капиталистического строя Америки—наиболее «мондсцирированное» и яркое выражение сущности «бизнеса». Бандиты—это национальный герой Америки, «мостиль» современной «романтики». Их все уважают: у них есть деньги. А почему бы им не быть уважаемым? Происхождение «священной собственности», входящейся у бандитов, одинаково с происхождением «священной собственности» фабрикантов и торговцев, несколько другими путями грабей рабочих и широкие слои населения Соединенных Штатов. Чем бандиты пугаета отличаются от «деловых» бандитов чешской книжки, от бандитов пера, бандитов креста и всех прочих «охотников за долларами», которые как черви кишат во всех трещинах развивающегося капиталистического мира?!

**не
забуди
возобновить
свою
подписку
на журнал
„Смена“
на
второй
квартал.**

**подписная
цена:**
за 12 мес.—4 р.
„ 6 „ —2 р.
„ 3 „ —1 р.
**подписка
на
журнал
принимается
периодсентором
книгоцентра
огиз'а
РСФСР.
москва,
ильинка 3,
в отделениях
и магазинах
книгоцентра огиз'а
и на почте.**

В. С. СЕРГЕЕВ. ВОЗДУШНО-ПРОМЫСЛЕННЫЙ РАБОТНИК

ОДИН ИЗ „518

Ирменский металлургический завод-гигант им. Войкова строится поближе к слитым мощным залежкам руды, содержащей до 40 проц. железа. С пущеном завода страна получит дешёвый и высококачественный металл. Завод получил боевое задание правительства: дать в третий году пятилетки стране 400.000 тонн чугуна, 320.000 тонн стали и 230.000 тонн проката.